

Святослав Моисеенко

Последняя тайна
Патриарха

Святослав Моисеенко
Последняя тайна Патриарха

«Автор»

2012

Моисеенко С. Ф.

Последняя тайна Патриарха / С. Ф. Моисеенко — «Автор», 2012

Добро и Зло придумано людьми и для людей. В Природе существует лишь Цель — неведомая, загадочная. Много веков Предметы ждали своего часа, таинственно действуя, попав в человеческие руки, сея слухи о чудесах, волнуя, вызывая страх. Страх и неодолимое желание обладать ими, превращающие человека в орудие на пути к Цели. И вот наступили времена, когда Пять Предметов должны соединиться в одних руках, чтобы Цель наконец обозначилась. В чьих руках они окажутся? Добром или Злом обернется для Человека обладание таинственной Силой? Или Зло — лишь тень, отбрасываемая Добром? Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны. Новым романом «Последняя тайна Патриарха» автор открывает целую серию удивительных книг о тайнах ушедших цивилизаций и загадках христианской церкви. Впервые перо писателя касается темных пятен православных церквей, во всё своём многообразии преследующих нас с начала времён до сегодняшних дней... Перелистнув очередную страницу романа, так и хочется воскликнуть: «Боже мой! Неужели всё это на самом деле?!...»

© Моисеенко С. Ф., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Перстень? Да при чём тут перстень?! Вместо предисловия	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Святослав Моисеенко

Последняя тайна Патриарха

Роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

Перстень? Да при чём тут перстень?! Вместо предисловия

Часто говорят, что история не имеет сослагательного наклонения. Так ли это? Сколько раз история меняла свои одёжки, ну, прям, как блистательная ветреница императрица Елизавета Петровна перед каждым балом! И сегодня, например, школьные учителя в растерянности – по какому учебнику пудрить мозги недорослям? Вчерашние книжки устарели, сегодняшние устроили базар на политической кухне, не хуже двух петушков из элитных бойцовских пород Сванидзе и кургиняна, которых безуспешно пытается образумить курочка умница нарочницкая, а завтрашние ещё не написаны... Так что, вполне определённо, все истории, базирующиеся на одних и тех же фактах, вошедших в летописи и мифы, фактах вроде бы научных, как число «пи», в извлекаемом корне от него отличаются – имеют вероятностную составляющую, а потому все они, по сути, сослагательные, инвариантные. И хвост у них тоже как у «пи» – трансцендентный, после запятой уходящий в бесконечность отточий... Тот, кто пытается закрепить вероятность истории на уровне единицы, вбивая эти единицы, колы, обелиски в нули курганов славы, забывают, что перед ветром времени самыми устойчивыми, самыми малоэрозийными, самыми антикоррозийными всегда были глиняные изделия, но их вечные черепки одновременно являлись и символами бренности бытия – изгнания, называющегося ментально-инструментально-режущим словом остракизм...

Но если так обстоит дело в исторической науке, что тогда говорить об искусстве, где чего только не увидишь, например, как девушка в истоме «ножкой ножку бьёт», забыв, что вообще так люди не ходят, да и ножку в этой фу-эте битьём сломать можно. В литературе то же самое. Любая литература, тем более если она художественная, это реальность не всамделишная, а виртуальная, это выдумка, это плод воображения. Причём плод законнорожденный по определению, и автору произведения вполне можно обойтись без упреждающих оговорок типа «роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии», одновременно исподтишка подсовывая читателю сюжетики из писаний настолько священных, что не верить им даже как-то грешно.

Ну, хорошо, плод-то законнорожденный, но какие-нибудь законы, помимо вольности святой, для него существуют? Конечно, конечно. Если вся Вселенная выстроена, говорят, по межгалактическим струнам, которые дирижируют, дисциплинируют «хоры стройные светил», то и в любом ладном художественном произведении, чтобы не рушить мировую гармонию, должна присутствовать эта стройность. Её, эту стройность, создаёт своей творческой волей автор, беря в качестве исходных событийные атомы хоть из горестных замет современной жизни, хоть прошлой. Так и поступил наш автор. Разместив действие романа в дне сегодняшнем, он то и дело пробрасывает взгляд в ретроспективу, в глубь истории, в её реперные метки, находя в этих узелках явное магическое влияние неких сакральных предметов (один из них – главный герой первого из пятикнижия романов – Перстень, голубой камень, образовавшийся из крови невинно убиенного Авеля, несчастного сына Адама и Евы), предметов, изначально присутствующих в человеческой истории, которая, как известно, всегда протекала не столько в

солнечноморском проливе между Сциллой и Харибдой, сколько в тёмном ущелье между скалами Добра и Зла.

Сколько же перстов самых памятных исторических особ сменил наш герой – перстень! Пересчитать их – так не хватит всех пальцев на руках. Но вот вопрос: а как соединены между собой эти реперные метки реки времени в потоке повествования, только ли бурливой водой? Какое из объяснений более всего подошло бы необыкновенному переплетению главенствующих событий мировой истории в романе, это – ЧТО:

- СЛУЧАЙНЫЕ СОВПАДЕНИЯ?
- ВЫМЫСЕЛ АВТОРА??
- ТЩАТЕЛЬНО ЗАВУАЛИРОВАННАЯ ПРАВДА???

Здесь можно ответить: во-первых, мы не знаем таинственных взаимосвязей всего сущего, лишь изредка нам дозволяется интуитивно их прозревать. Во-вторых, что бы это читателю не погрузиться в такую горную-горную-игорную кристалльность, где и форель реальная нагуливает свои жирные вкусные бока, и речка наполнена чудесной речью, в которой:

«Данила, которого – с его-то стопудово-голубой кровью! – только что унасекомили и чуть ли не плебеем объявили, набылчился»,

«на лице его мелькнула бледная улыбка. Так в духовке светятся печеные яблоки»,

«голос бабульки набирал высоту и децибелы, грозя выйти на проектную мощность, – словно она сидела в сортире и кричала «занято!!!»,

«серые рыбы его глаз, поблескивая, медленно плавали туда-сюда за толстыми стеклами очков»,

«жидковат он оказался, сразу «по ногам потекло, в рот не попало»,

«глаза его сияли такой любовью к ближнему, что ближние испуганно попятились»,

«Насте хотелось забиться под плитус»,

«меньше нервов, мягче в бедрах»,

«дворяне, они такие... куртуазные...»

Что касается правды... Мне кажется, что ее не надо искать. Да и бесполезное это занятие. Она сама нас найдет, в нужное время и в нужном месте. И все будет так, как должно быть, даже если будет иначе...

А... а как же главный герой?

Вы про что? Про «перстень? Да при чем тут перстень?! Это же просто повод поиграть в гонялки-стрелялки с монстрами! Только не в компьютере, а в жизни».

Да будет так. Не будем уподобляться простодушному герою романа русскому воину Никите, потомку Константина, императора византийского, у которого, «когда он ничего не понимал в происходящем, чувство юмора скукоживалось до молекулы».

.....

Вы еще не внедрили в роман? Тогда потом не жалуйтесь. Не забывайте, что:

... между тем «...перстень осторожно нащупывал достойного носителя! *Неподходящих – в точку истории!*»

Александр Шерстюк
12.06.2012

Глава 1

Смерть Патриарха

Странный, ни на что не похожий, еле уловимый запах, не принадлежащий ни человеку, ни зверю, ни какому-то растению. Безжизненный. Заставляющий мгновенно насторожиться, наполняющий рот слюной, обостряющий все чувства и уже знакомый Никите – по прошлым годам, по горячим точкам, по этому аду, именуемому «восстановлением порядка в Чечне». Запах сразу и мощно давал понять: опасно! И всегда спасал, заставляя быстро нырять под пули, рывком скрываться за руинами домов, не идти, ни в коем случае не идти дальше – туда, где другие находили смерть. Потому что ничего не ощущали. И слепой страх гнал вперед. На верную гибель.

Но никогда он не был таким сильным, этот запах Зла, как в тот судьбоносный ужасный день...

А начиналось все так безмятежно... Никита с Настей неспешно прогуливались в Коломенском. Она была счастлива, что парень наконец-то рядом, никуда не торопится, не убегает стремглав по своим загадочным «делам». Хотелось подольше помолчать, просто идти себе, не замечая ни сизого неба, ни стыллой, припорошенной снегом земли, ни прохожих... Декабрьский ветер налетал колючими порывами, и щеки у обоих уже пылали румянцем. Не только от ветра, впрочем. Любовь – тоже дело такое... Дошли до Голосова оврага, стояли, задумчиво глядя на маковку церквушки на той стороне, парящую над серовато-лиловым кружевом ветвей... Начиная смеркаться. Девушка принялась рассказывать о загадочных явлениях, мистической аурой окружавших это примечательное место. И как там люди пропадали, а потом, через много лет, вдруг возвращались. И о таинственных валунах – «мужском» и «женском», – незнамо откуда взявшихся и якобы обладавших целебными свойствами. И о том, что ей хотелось бы вот так потеряться вместе с Никитой в потоках времени, вынырнуть лет через сто и увидеть, как все изменилось. Что до прошлого, то Настя была напичкана весьма обширными знаниями – училась на историческом в МГУ. А вот касаясь будущего...

Она не знала, что время отсчитывает последние минуты и скоро, совсем скоро окончится привычная жизнь, неожиданной и небывалой станет судьба... Не ощущала этого странного запаха, казалось, принесённого леденящим ветром из обросшего легендами оврага...

А дальше события потекли путем неожиданным и удивительным, словно и в самом деле влюбленные вдруг вынырнули совсем в ином времени. В ином мире. Который на первый взгляд нельзя было отличить от привычного, но... только на первый взгляд.

Однако Никиту трудно было обмануть. Он *почувствовал* – и сосущая тревога накатила еще до того, как мобильник взорвался трелью. Плачущий звук словно предупреждал: «не бери, ни в коем случае не бери трубку!» Но как не взять, если звонит Названный Отец? А для всех прочих – Алексей II, Патриарх Всея Руси. Густой голос, чуть окающий – не по-волжски, а по-церковному – был каким-то непривычно растерянным и напряженным одновременно, словно Святейший не на шутку встревожен, но изо всех сил пытается скрыть свое волнение за обычной пастырской степенностью.

– Сынок, ты бы пришел, помощь твоя нужна... Нет-нет, ничего страшного, и здоровье тоже... Но поторопись. Хочу, чтобы ты рядом был... Да тут один человек... Ну, придешь – узнаешь. Поторопись!

Пришлось наскоро попрощаться с Настей – она явно расстроилась, нечасто получалось вот так побыть вместе, а ведь еще на дачу планировали выбраться... Парень бросился к припаркованной во дворах у метро видавшей виды «девятке» и, обгоняя, подрезая и злостно нарушая, домчался до Патриаршей резиденции в Переделкино. Тревога все нарастала – *таким* голосом Отец никогда не говорил.

У ворот стояла лишь одна машина, незнакомая, – скромный черный опель. Охрана пропустила Никиту беспрепятственно – еще бы, ведь он сам их на эту работу и пристроил в свое время, своих боевых проверенных дружанов. Но выглядели двое молодцев как-то заторможенно, взгляды плыли, словно... Обкурились они, что ли? В Чечне, конечно, всякое бывало... Нет, не может быть – показалось!

– Святейший у себя?

– Да... вроде еще никто... не выходил... – голос звучал глухо и неуверенно. Безжизненно. Но вникать времени не было: уже в приемной странный, пока еле слышный запах Зла вдруг усилился.

Никита взбежал на второй этаж и постучал в массивную дубовую дверь – все в покоях было тяжелым, стопудово основательным, как и подобает Церкви, что недавно поднялась с колен и вновь собиралась безраздельно властвовать над душами человеческими. Никто не ответил – пришлось рискнуть и войти без спроса. Вот тут металлический запах просто шибанул в нос, – как тогда, в чеченских горах, только еще невыносимее, забывая привычный уютный аромат ладана и воска. Однако Никита быстро взял себя в руки и, осторожно озираясь, прошел через пустые покои в дальнюю комнату, куда обычно мало кто мог попасть. Там Патриарх принимал самых близких и дорогих. Или когда хотел побеседовать без лишних глаз и ушей. Никого... Но на столике – две недопитые чашки с кофе и нехитрое угощение – уже начался рождественский пост, не до разносолов обильных.

Стоп! В углу на подстилке лежал Лорд – любимый лабрадор Святейшего... Обычно такой дружелюбный, он не подавал признаков жизни. Потому что никакой жизни окоченевшем теле пса не осталось. Никита метнулся в спальню и остолбенел: там, перед ложем, судорожно сжимаемая горло, лежал несчастный старец – грузный, давно страдавший сердцем, да и другими хворями тоже. Показалось – уже без сознания... Внезапный приступ? Рядом валялся мобильник. Нитевидный пульс еле прощупывался. Никита бережно приподнял голову Отца, подсунув под нее сдернутую с кровати подушку. Вдруг помутневшие глаза Предстоятеля на миг сосредоточились на лице парня, седая борода шевельнулась, и посиневшие губы еле слышно прохрипели: «Бе...ги...» Взгляд стал медленно гаснуть, еще пытаясь разглядеть что-то неведомое. Куда смотрел умирающий? На святые иконы? Но тут из груди послышалось сипение, хрип и... Все было кончено.

Первый приступ отчаяния быстро прошел – сказала воинская закалка. В бою некогда горевать – надо сражаться и выживать. Никита вдруг ощутил себя идущим по кавказскому лесу, где каждый шаг мог оказаться последним.

Парень огляделся и вдруг заметил, что окно не закрыто и ветер мягко колышет складки плотной бордовой портьеры. «Странно, Святейший часто болел и боялся сквозняков, почти никогда не открывал окна, уж особенно теперь, в наступившие-то холода», – мелькнувшая мысль тотчас пропала – пытаясь усадить тяжеленное тело, парень почувствовал: ладони увлажнились чем-то липким. Одного взгляда было достаточно. Кровь, темная, страшная, уже образовала на дубовом паркете лужу. А рукава темно-серого подрясника скрывали то, что не сразу бросилось в глаза – тонкий стилет, вошедший под ключицу до резной золоченой рукоятки... Кромешный ужас наполнил душу. Все произошло совсем недавно, не более четверти часа назад... Как же так? Кто, кто осмелился?! И что за средневековое какое-то орудие убийства? Но военная закалка и тут не подвела, позволив быстро сообразить: нанесший смертельный удар человек (человек?!), отличался очень высоким ростом и огромной силой, раз лезвие вошло

сверху и пронзило тело насквозь. Святейший ведь тоже осанистый, крупный... был. Никита быстро вытер руки о прикроватный коврик, вскочил и уже хотел позвать охрану, но... Почему ребята, обычно такие дружелюбные, сегодня словно на себя не похожи? И ничего не сказали, даже не намекнули, что у Святейшего гость! Та-ак... Либо они с этим «гостем» в сговоре, либо... Вспомнился такой же «плывущий» взгляд – приходилось сталкиваться с ним на войне: тогда это означало контузию или сильное наркотическое отравление... Охранники словно напрочь не знали, что кто-то совсем недавно прошел к Патриарху! Зато они должны были прекрасно запомнить, что сам Никита туда протопал только что. Вот засада! И правда – надо бежать, некогда разбираться. Последнее, что следовало сделать: закрыть усопшему остекленевшие глаза. Они продолжали смотреть в одну точку – на открытый серебряный ларец, поблескивающий на массивном резном комодe в неверном свете лампадки: пламя металось на сквозняке. Украшения были вывалены и беспорядочно разбросаны, часть валялась на полу. Странно: эти немалые ценности – наперсные кресты, панагии – остались лежать... Значит, убийца искал что-то конкретное, не просто грабил! Ларец обычно хранился в сейфе за изголовьем кровати – теперь дверца была приоткрыта.

Когда-то Святейший, безгранично доверявший Никите, посвятил его в одну маленькую тайну. Отдельно от всех драгоценностей, там, в особом секретном отделении, хранился перстень: темно-синий камень, старое золото, на первый взгляд – ничего особенного. Но Патриарх тихо прошептал тогда: «Сынок, *это* дороже и древнее всех ценностей. Если со мной что случится – заberi, спрячь. Не должно оно в дурные руки попасть...» Наверное, реликвия какая-то историческая... Спросить духовный сын постеснялся, оробел, да и не любитель он был с праздными вопросами лезть, любопытствовать. А теперь уж и не спросишь... Черная горечь затопила сердце, парню вдруг захотелось, чтобы хоть что-то осталось у него на память о дорогом человеке, столько для него сделавшем и так страшно погибшем... И еще одна мысль мелькнула: не этот ли перстень искал неведомый злодей? Перстень, которого Никита никогда не видал на руке Патриарха, даже в самые торжественные моменты!

Он решительно шагнул к сейфу, нащупал невидимый пупырышек и вынул из открывшегося паза столь дорогую для убитого вещь. Темный, крупный, с добрую фасолину, камень тускло блеснул синевой – холодной, мертвой – и перекочевал во внутренний глубокий карман навороченной куртки бывшего спецназовца. Еще секунда – и, подобрав патриарший мобильник, Никита ринулся к окну, нутром чувствуя: прежняя жизнь кончилась. А какая предстояла – Бог весть. И предстояла ли вообще?

Невысокое окно второго этажа выходило на задний двор, где в этот час никого не было видно. Что тоже не столь обрадовало, сколько удивило: в штате находилось довольно много людей, для самых разных нужд – легко ли, Патриарх Всея Руси!

След! На подоконнике остался еле заметный след огромного ботинка. Пусть остается. Уже повиснув за окном, Никита подтянулся и стер с мрамора свои собственные следы. Затем по-кошачьи мягко приземлился на плиты известняка, устилавшие двор. Обогнув здание, приготовился к стычке с охраной, в обязанности которой входило патрулирование территории. Опять никого... Неторопливой походкой, как ни в чем не бывало, он направился по боковой дорожке к воротам, все убыстряя шаги. Лишь на секунду оглянувшись, заметил, что охранники так и стоят по обе стороны входа в дом и смотрят прямо перед собой, вроде как даже не мигая. И вновь – ни души... Низкое небо хмурилось тучами, однако снег вот-вот сыпанет – заныла старая хасавьютская рана.

Руки! Но некогда, некогда отмывать их – необходимо было немедленно покинуть Переделкино. Такое знакомое, родное, внезапно превратившееся в кровавый кошмар... Пришлось поднять комок стылой земли и размять сильными пальцами, чтобы ладони казались просто грязными. И уж совсем некогда было уничтожать камеры слежения – сам же новую версию

устанавливал! Они, конечно, зафиксируют его визит. Но ведь и появление таинственного гостя там тоже должно запечатлеться!

Черного опеля на стоянке уже не было.

Вдруг хрипло разорались вороны – сроду здесь их не видели такими стаями... Теперь же зловещие птицы беспокойно кружили над резиденцией. На полпути к Москве по встрече мимо пронесся кортеж дорогих автомобилей: главную там Никита хорошо знал – это был серебристый мерс митрополита Смоленского и Калининградского Дамиана. Интересно, на плановую встречу едут или...? Ведь произошедшее пока не предано никакой огласке! Так-так...

Домой Никита возвращаться не стал. Кто его знает, насколько быстро вычислят, что он побывал в покоях. Ведь своя служба разведки у Церкви – нешуточная, по уровню подготовки и оснащению ничем не уступающая ФСБ. Уж это ему, доверенному человеку Патриарха, было отлично известно. Позвонил Насте – как хорошо, что она есть и ждет! Телефон вырубил. Что отвечать, если позвонят? А звонить-то скоро начнут... Лучше уж вообще не брать трубку.

Девушка несказанно обрадовалась. Небось, уже успела всплакнуть, решив, что любимый опять пропадет надолго, как часто, до обидного часто случалось. И они рванули к ней на дачу. Благо, дом был зимний, а завтра ожидалось воскресенье. «Господи, какое воскресенье, – подумалось тут же, – когда смерть крадется по пятам!»

Добрались без приключений, и Настя ничего не заметила, – лишь обронила: «Где ж ты так ручищи извозюкал? В моторе, что ли, копался?» Начала опять интересное рассказывать, но осеклась на полуслове, поняв, что ее не слушают. Никите, молчуну и буке, нетрудно было скрыть от подружки внутренний раздрай и панику. Он покорно отправился в душ и долго смывал с себя запахи смерти и остатки кровавой грязи с ладоней... Слегка запотевшее зеркало отразило сосредоточенно горящие серые глаза, впалые щеки, сурово сжатый губастый рот, ежик темных волос, в которых уже мелькала ранняя седина... «Взгляд у тебя, Никитос, бывает – мурашки по коже!», – уважительно отмечали ребята в Чечне.

Было совсем поздно, где уж там думать и анализировать. Но и не спалось. После любовного поединка, – отчаянного, жадного, страстного, заслоняющего от смерти, – когда усталая счастливая Настя задремала, блаженно посапывая, Никита осторожно выскользнул из-под одеяла и достал перстень. Обнаженный, он стоял у окна, то так, то эдак вертел реликвию, и свет далекого фонаря падал на его широченные мускулистые плечи, на затейливую татуировку – оскаленную голову тигра. И на кривой шрам на груди...

Вспомнилось, как еще салажонком-призывником обратился к батюшке в маленькой церквушке на Солянке – с просьбой благословить... Как потом, после благополучного возвращения из пекла (всего-то два довольно легких ранения!), случайно забрел на вечерню в Елоховский и узнал в пышно облаченном Патриархе Всея Руси того давнего скромного батюшку... Оказалось, старик любил изредка вот так служить литургию – словно простой священник. Протиснулся ближе – и Святейший тоже неожиданно узнал в огромном хмуром парне тоненького большеглазого мальчишку-детдомовца... После литургии поманил, ласково спросил о жизни, постепенно приблизил, стал поручать все более важные дела, полюбил как сына... Наконец подступили скудные слезы...

Вот те на! Темный камень вдруг посветлел – тихо засветился изнутри, постепенно стал дивно прозрачным, васильково-синим – совсем как глаза у Насти, когда сердится... На его выпуклой поверхности возник опалово-переливчатый серебристый крест... Чем больше Кирилл вглядывался в глубь камня, пытаясь понять причину столь удивительной перемены, тем ярче камень сиял. Тогда, у сейфа, сам перстень показался небольшим, вроде как женским даже. Теперь же он как влитой сел на безымянный палец здорового парня: кулаки – не дай Боже! Будто сделан был на заказ.

Голубое свечение камня напомнило кое-что, сердце екнуло: телефон! Никита быстро достал мобильник Святейшего. Та-ак... «Входящие звонки»: один, последний, не определился.

Почему Патриарх ответил на него? Даже Никита на подобные анонимные звонки чаще всего не отвечал. Было ясно, что таинственный визит последовал именно после этого звонка. И тут Перстень стал покалывать руку, словно через него шел слабый электрический заряд. Перед глазами заметались странные, не очень отчетливые видения. Вот кто-то высокий нависает над Патриархом, последний, несмотря на тучность и возраст, с искаженным лицом бросается к двери в спальню, но не успевает добежать до кровати – сверкает длинный стилет, старик падает... Зловещая Тень лихорадочно роется в ларце, небрежно роняя на пол блестящие украшения, и тут Никите мерещится что-то странно знакомое в смутной, расплывающейся фигуре: этого человека он уже где-то видел! Но тень вдруг бросается к окну, исчезая в проеме за портьерой – наверное, именно в это время Никита и постучал в дверь. Видение растаяло. Парень очнулся в холодном поту: его всего трясло.

Он по-прежнему стоял у окна – перстень стал медленно гаснуть, будто счел свою миссию выполненной. Но Никита ошибся. Попытка сдернуть с пальца реликвию ни к чему не привела: перстень словно прирос к коже. Еле добравшись до кровати, измученный увиденным Никита рухнул рядом с Настей, которая вновь обняла его нежно, так и не проснувшись. Последней мыслью было: «Утро вечера мудренее, завтра решу, что делать. Как найти убийцу и отомстить, да так отомстить, что чертям в аду тошно станет! Силы нужны, иначе сойду с ума». Навалился тяжелый, беспросветно-свинцовый сон без сновидений...

Глава 2

Загадка перстня

Утром Никита открыл глаза чуть свет: он вообще не привык поздно вставать, на отдых обычно хватало пяти часов. Настя еще нежилась, бормоча сквозь дрему какие-то слова. Никита прислушался: «...перстень... Грозный...» Странное совпадение! Она ведь даже и не знала об удивительной вещи. А «Грозный»? В Грозном Настя никогда не бывала и если что знала о нем, так из рассказов Никиты... Страстно захотелось, чтобы все события прошлого дня показались бредом. Но вот же он – камень едва заметно светился на пальце! Значит, все было взаправду... Ветеран чеченской войны скрипнул зубами от нахлынувшей ненависти к злодею. Или... к злодеям? Ну не мог один какой-то урод это задумать и содейть. Тут точно заговор! И – ясное дело! – ищут они этот перстень, раз уж он такой необычный. Если честно, во всякую мистику Никита не особенно верил. Да и не до этого должно быть мужику – судачить о разных глупостях типа «целебных валунов». Но вчерашний день круто вмешался и в жизнь парня, и в его представления о ней.

Быстро, по-армейски, приведя себя в порядок, парень стал готовить завтрак – он привык сам за собой ухаживать, а баловать Настю, смотреть, как она счастливо улыбается, ему всегда доставляло большое удовольствие. Частые разлуки – не сидеть же возле юбки прищипленным! – только усиливали это желание порадовать. Да и больше не на кого было тратить любовь и нежность – с малых лет парень уяснил, что никому на этом свете не нужен. И когда в жизни возникла Настя...

Хотя голова уже было забита тягостными размышлениями, завтрак получился неприятательный, но здоровский: омлет, сыр, нарезки всякие и кофе – его оба пили декалитрами. Никита настолько погрузился в напряженные думы, что вздрогнул, когда его плечи сзади попытались обвить девичьи руки – охватить эту «косую сажень» по-настоящему у Насти все равно бы не получилось. Она была свежа и чудо как хороша в легком палевом халатике. Смеясь, заявила, что «голодна как зверь!» По-детски обрадовалась, что завтрак уже готов.

За едой «зверушка» тут же обратила внимание на перстень. Как Никита ни прятал ладони, а такие лопаты не спрячешь. Ему страстно захотелось, чтобы хоть Настя выслушала и поняла. Да и кому еще об этом ужасе расскажешь? Следствию и суду? Будто услышав его мольбу, она сперва, конечно, восхитилась. Но тут же осеклась, увидев мрачную тень на лице любимого. Помедлив, Никита скупыми словами выложил ей все, что произошло вчера, чему стал опоздавшим свидетелем... Все, кроме таинственных свойств кольца: он в этом и сам еще толком не разобрался. Настя сильно побледнела, но слушала очень внимательно. Обычно такая непосредственная, не охала и не ахала по-бабьи. И вопросов после каждого слова Никиты не задавала. Главное – не обиделась, умница, что еще с вечера промолчал! Прослезилась – понимала, кем для парня был Святейший. Тем более, что знала Никиту давно, влюбилась еще девчушкой – когда-то жили в одном дворе. Только Настя – в пятикомнатных наследственно-профессорских хоромы (шофер, домработница, мать-актриса, именно в этом порядке), а затрапезно одетый смурной паренек – в «убитой» коммунальной комнатухе, выделенной ему после выхода из детдома. Помолчали...

– А собаку тоже убили? Отравили, да? – наконец очнулась от дум Настя – ей по-девчоночьи стало жаль ни в чем неповинного пса. Поежилась, продолжая машинально сгребать ладшкой хлебные крошки со скатерки.

– Кто-то умный сказал: «Ненависть к человечеству – грех. Но не заблуждение». Ужас какой... И зачем, зачем ты перстень из сейфа забрал? Не стоило этого делать! Ведь если охота идет именно за ним...

– Может, и не стоило. А может, и не за ним вовсе! Да поздно теперь горевать – взял уже. Не возвращать же! Куда хуже, что меня теперь обвинить могут в убийстве. Ребята-охранники такие были... отмороженные, как под гипнозом. Под гипнозом... это надо обдумать. Но что-то ж они помнить должны! Других свидетелей вроде нет. Скажи, вот ты много чего из истории знаешь – не слыхала о таком перстне? Он мог каким-то нашим... ну, деятелям всяким принадлежать. Да и не только нашим, возможно. Древняя вещь. Очень. Отец говорил. И еще... Он, понимаешь... не снимается с пальца. Я утром и с мылом пытался – ничего не выходит. Вроде как током бить начинает...

– А мне сон сегодня приснился непонятный – как раз о кольце каком-то. И что-то там про Ивана Грозного было... Яркий такой сон, сумбурный. Да, да! Мне в хрониках той эпохи подалось, именно о странном старинном кольце! Ты же знаешь, я люблю в книгах рыться. Постараюсь вспомнить, – и Настя полезла в обширную библиотеку, еще прадедом собранную. «Мечту библиофила» в свое время свезли на дачу, посчитав, что старые книги лишь захламляют дом в эру повальной компьютеризации. Мать все эти современные «мульки» обожала, чуть не каждый месяц меняла мобильник на еще более «крутой». А нынешний глава семейства был ученым-химиком, историей не интересовался – тут же набил шкафы своей кристаллографией.

В отличие от Никиты начитанная Настя была полна трепетной веры во все чудесное, о чем говорить могла часами. Несмотря на ужас ситуации, ее охватило мрачное воодушевление, словно оказались они перед волшебной дверцей, и нет золотого ключика, а снаружи уже ломится страшный, озверевший мир, где убивают беззащитных стариков, и надо любой ценой спастись! Хотя... Может, загадочный перстень и есть тот ключик?

Тем временем Никита в зале включил телевизор.

Вдовствующая Церковь на всю страну с великим прискорбием сообщила: «вчера Святейший Патриарх Всея Руси Алексей II внезапно скончался от сердечной недостаточности в своей резиденции в Переделкино». Если честно, Никита даже и не особо удивился. Трудно было представить, что сообщат жуткую правду: мол, пырнул Святейшего незнамо кто, да и со святыми упокой. Но обманываться насчет собственной безопасности не приходилось: ни те, кто содеял такое, ни сама Церковь, так просто этого не оставят. Первые должны найти то, ради чего пошли на злодеяние. Вторая захочет узнать, что послужило причиной страшной гибели, пусть и сокрытой от мира. Да и все, что стало известно доверенному человеку покойного Патриарха за несколько лет – не службы, нет, – жизни возле Святейшего Престола, указывало: еще много кто захочет узнать и добыть. И полетят головы только так... Надо, ох, надо увидеться с охранниками.

– Слушай, вот что я нарыла! – вошедшая Настя разругалась от волнения.

У Ивана Грозного был любимый перстень, он никогда его с руки не снимал. Говорили, что его еще бабка царя, последняя византийская принцесса Софья Палеолог привезла, в составе приданого. Тоже с ним не расставалась. Откуда у нее взялся? Это надо еще долго рассказывать... А знаешь, как Иван-то Васильевич умер? Ему волхвы-кудесники предсказали день смерти. Он в этот самый день их вызвал и спросил: «Ну; что, лжецы-пророки, сукины дети? Как видите, здоров я!» Те мужественно ответствовали, что день еще не кончился. Царь был настроен, против обыкновения, благодушно. Пошел в баню, потом сел играть в шахматы и... внезапно упал почерневшим лицом на доску; отдав Богу душу...

– Похоже, перстень-то он в бане снял, а надеть либо забыл, либо... не смог! Никита! Не пытайся снять *это* – боюсь я, совсем плохо будет!

И она, поцеловав парня, убежала дальше рыться в книгах. А Никита стал дозваниваться до охранников. Первый же, Сашка, откликнулся тут же! Убитым голосом поведал о смерти

патриарха. Разумеется, от сердечного приступа. Посетовал, что работы они, по всей видимости, теперь лишатся. Голос дрогнул, опять стал каким-то деревянным, неискренним. И – ни слова ни об убийстве, ни о злодее таинственном. Ни о появлении в Переделкино самого Никиты. Который, будучи его непосредственным начальником, включил свой авторитет на полную мощь и приказал явиться на встречу в назначенном месте. Александр увильнуть не стал. Через час они встретились в городе.

– Ну, что, проворонили Отца? – глядя в Сашкины честные карие глаза, спросил начальник напряженно. Он уже понял, что в памяти боевого товарища случился непонятное «короткое замыкание», иначе бы он сразу дал понять, что видел там своего начальника. – Выкладывай, что произошло? – Изменившись в лице, мужик глухо заговорил, глядя в пол и тщательно подбирая слова, стараясь избегать матерных. У Патриарха служить – не в Чечне бандитов матюгами крыть, не забалуешь.

– Убили его, Никита. Тебе вранье пересказывать не стану. Когда мы с Серегой очнулись и встревожились окончательно...

– Что значит «очнулись»?!

– Понимаешь, и у него и у меня как провал какой... Вроде помним, что охраняли, все как обычно, Святейший еще не спускался и к себе не вызывал, а потом как отрезало... В башке туман и тошнит. Ну, растормошили друг друга и решили узнать, как там Он. Стучали, стучали – молчок, вошли наконец, а он и лежит в спальне. Зарезанный. Собака – тоже мертвая, отравленная – вытянулась на подстилке... Драгоценности валялись, сейф и окно – открыты, на подоконнике – след ноги оху... огромной, короче. Ну, вызвали кого надо, сам понимаешь... Дозвониться пытались, да твой телефон почему-то вырубленный оказался... Полезли смотреть записи камер слежения – выяснилось, как на грех, что на полтора часа вся резиденция была обесточена. Что, как – не знаю пока. Никого постороннего вроде не видели возле ворот. А все работники по каким-то делам уеба... в общем, разъехались... Поверь, – вырвалось у парня, – так голова болела и кружилась... и тошнило, точно я пил дня три не просыхая! И у Витьки та же байда... Что это было, Никита?

– Не знаю. Но верю. С работы вас, ясный пень, погонят, но что-нить придумаем. Так, говоришь, ничего не помните? След-то остался не от нечистой силы! Кто приходил и мимо вас прошел? Что необычного было в тот день?

Однако Саня лишь мычал невразумительно да мял лицо, словно так еще и не отошел от странных чар таинственного душегуба. У Никиты немного отлегло от сердца: его визит камеры не зафиксировали. Но и тот непонятный «один человек» остался незамеченным. Худшие подозрения, что это дело рук не одного, а целой команды, подтвердились: обесточить резиденцию дело непростое! Интересно, что использовали для одурманивания? Наркотик? Химию какую? Гипноз?

Во внушение Никита как раз верил, даже интересовался этим. Знал, что такие люди есть: под их взглядом что угодно сделаешь. Не единожды сам видел, как противники Патриарха вдруг начинали полностью ему подчиняться... Да и само его избрание, говорят, было похоже на чудо. Ведь после Пимена блюстителем престола оставался митрополит Феофил – тот, что на раскол потом в Украине пошел. Никто тогда и не сомневался, что ему достанется высшая власть, ведь и возраст, и авторитет. А выбрали не самого известного Алексия... Умел, умел Отец подчинить людей своей воле... И тут у Никиты вновь мелькнула неожиданная мысль: не перстень ли тому причина? И еще одно не давало покоя: Настя. Хорошая девушка, любимая и все такое, *но не так, не так* она должна была отреагировать на страшный, леденящий душу рассказ! Неужели он ее, такую самостоятельную, плохо знал?! В поведении, в словах, этом страстном книжном угаре сквозила воля... нет, не воля даже, а горячее и – чего лгать! – малодушное желание самого Никиты увидеть именно такую реакцию. Без воплей и слез, без

истерик и, главное, без боязни, что с ним теперь и водиться-то не след. Не-ет, тут без перстня не обошлось!

И то сказать: ну что простодушный Никита, – прямой, как дуло танка, – знал о прихотях и загадках женской любви?

Но самое, самое-то удивительное: Саня никакого внимания на перстень не обратил, не подколот: чего это, мол, Никита нацепил на себя побрякушку, для солдата совсем уже неприличную! Типа в геи записался, что ли?! А не разглядеть яркий камень было просто невозможно. Но боевой товарищ странным образом ничего не заметил. Н-да... Загадки кольца множились и множились, и мыслимо объяснять их становилось все труднее.

Глава 3

След реликвии

А Настя в это время всю штудировала книги и трясла Интернет. Это не хуже любовных поединков заслоняло ее от ужаса происходящего, врачевало душу и не давало раскиснуть и опустить руки. Настя читала, и голова шла кругом! Столько веков истории объясняли загадки прошлого как угодно: и коварством, и ядом, и сильной волей, и кознями врагов. А ларчик-то просто открывался – перстень! Страницы перелистывались сами собой, и хотелось дальше, еще, – докопаться до сути, за которой маячила разгадка. Ибо от нее зависели их с Никитой и жизнь, и счастье.

Хлопнула дверь: вернулся уставший, истерзанный думами и догадками Никита. Настя хватилась накормить его, да оказалось – так и просидела за книгами весь день, ничего не готовила. Да и чего готовить: в холодильнике «мышь повесилась». Но то, что ей стало известно, заинтересовало Никиту куда больше, чем отсутствие разносолов – он весь превратился в слух. Рассказывала Настя образно и увлеченно, даже театрально кое-где подвывая. Маманю-актрису со счетов не сбросишь! Перед глазами парня вставали «преданья старины глубокой»...

История таинственной реликвии и ее странная власть над людьми начали из глухого и не вполне достоверного упоминания обретать конкретные очертания подлинной реальности.

– Понимаешь, Иван Третий вторым браком был женат на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина, дочери его родного брата Фомы, деспота Морейского. Не думай, деспот – высший греческий титул, что-то вроде эрц-герцога. Деспотисса великой интриганкой слыла, к ней как ни к кому другому относится понятие «византийское лукавство». В результате трон московских великих князей достался, в обход потомков от первого брака, ненаглядному Софьиному сыну Василию...

– Да, запудрила твоя византийская принцесса всем мозги! И как только удалось?! Или... Думаешь, и тут без перстня не обошлось? – серые глаза Никиты вспыхнули подозрением.

– Думаю, не обошлось, хотя прямых упоминаний о кольце нет. Ну кто на побрякушку серьезное внимание обращать станет?! Это ж не сказка про Ивана-царевича: надел кольцо, ударился оземь да и...

– ...да и убили нах... в общем, насмерть! – с хулиганской ухмылкой подхватил ясно-вельможный глава Патриаршей охраны, не совсем забывший трехэтажные армейские обороты. Настя сердито замахнулась на охальника книжкой и продолжила:

– Василий же человек был слабый, вздорный, царствовал отменно-самодурно, а под старость и вовсе свернул всех в бараний рог. Представляешь, супругу бесплодную отправил в монастырь, обрил бороду – это в те-то времена, когда проще было нагишом на люди выйти, чем без бороды! И, старый гамадрил, по-новой женился на юной красавице – княжне Елене Глинской, польско-литовских кровей и, значит, почти супостатке. Совсем юной, кстати, – ей было тогда что-то лет пятнадцать, если не меньше! В наше время срок бы припаяли, за педофилию.

– Чего это «старый гамадрил»? Ему о потомстве надо было думать. Государь небось, не баран чихнул! Да и молодая-то жена лучше старых двух! – юмор у парня был своеобразный. Но так живой ум искал выход из тесных рамок, куда его загнали сначала – армия, а потом – строгая служба у Патриаршего престола.

– Я вот тебе сейчас покажу молодую жену! – возмутилась двадцатилетняя «сказительница». – Да ты слушай дальше.

Вскоре после женитьбы Василий умер как-то по-глупому, от заражения крови – поранился на охоте... Оставив означенную Елену правительницей при малолетнем сыне, будущем Иване Грозном. Между прочим, была у власти целых пять лет. Вместе с «другом сердца», кня-

зем Овчиной-Телепневым-Оболенским. Некоторые имечки тогда были – за ночь не выучишь! Потом бояре Елену вроде отравили. Удивительно, как им всем удавалось власть захватывать – и Софье, и Василию, и Глинской – в стране, где непопулярных или не вполне законных владык могли только так прогнать с трона? Не колдовали же они! Что им помогало? Поневоле вспомнишь про перстень, привезенный из далекого Царьграда, бывшего столько веков оплотом веры православной! Не с ним ли и перешло к нам понятие «Святая Русь»? Или просто только Русь тогда и была крепка в Православии, а почти везде оно оказалось в кабале да в загоне? И, знаешь, что еще: похоже, перстень осторожно нащупывал достойного носителя! Неподходящих – в топку истории! Всякая помощь прекращалась, таинственная сила угасала.

Для Насти, воспитанной религиозной нянькой, вера не была пустым звуком, модным увлечением – как для многих современных барышень. Отец-профессор серьезно воспитанием дочки не занимался, мать-актриса – тем более. И, что совсем уже нечасто бывает, вера у девушки не вступала ни в какие противоречия с обширными университетскими знаниями и пытливым умом. А Никита, едва ли не впервые пошедший в церковь перед службой на Кавказе, проникся лишь после знакомства с Алексием. Что и говорить, умел старик внушить что-то такое... настоящее, одним словом.

Девушка продолжила, очнувшись от раздумий:

– Много, ох, много чудил Иван Васильевич, прозванный Грозным. Особенно после смерти первой супруги, нежно любимой в народе, – кроткой и приветливой Анастасии Романовой. И опричнину мрачнейшую создал, и татарского царевича-подставу на трон посадил – тот на целый год оказался самодержцем. В Александровскую слободу уезжал, бросив бразды. Теперь это, знаешь, заштатный городок Александров, пара соборов осталась, тишь да благодать, а когда-то был он своего рода «российским Версалем», резиденцией... И все – посреди чудовищного блуда, многоженства, изуверских «избавлений» от неугодных жён... Впрочем, некоторые историки полагают, что сомнительные цари-государи Романовы, дабы выглядеть привлекательно, навесили на Грозного все грехи мира.

Так что теперь про него всякое говорят в книгах... Бояр да дворян строптивых медведями да собаками травил, лично пытал. В огне, на котором человека поджаривали, полешки посохом своим поправлял... Впрочем, тогда, в середине XVI века, точно поветрие какое по Европе пронеслось: немногим ранее, в Англии, король Генрих Восьмой так же безжалостно расправлялся с женами, чередуя их казни с расправами над епископами, ибо разругался с папой Римским, отрекся от веры католической, сам себя объявив – неслыханное дело! – главой церкви. Проложил, так сказать, дорожку для нашего Петра, тоже в свое время упразднившего сан Патриарха. Во Франции Екатерина Медичи тысячами истребляла своих же подданных, гугенотов-реформатов, и память о Варфоломеевской ночи пережила на века все прочие дела этой королевы. Правда, отойти от католического Рима Франция так и не осмелилась...

– Ты не отвлекайся, про перстень говори, не грузи! – подал голос Никита. Его, неподкованного, уже начали утомлять несущественные, как ему казалось, факты, ссылки и сноски.

– Ладно, тьма ты моя историческая. Так вот, а на Руси народ опять все безропотно проглотил, словно замороженный. Даже убийство в темнице митрополита Филиппа! Одного из немногих, кто осмелился поднять голос против бесчинств и поругания Церкви, против истязаний и казней. Ни одного покушения на царя-изувера не было, точь-в-точь как потом при Сталине... Или это у нас в крови: сильных обожать да трепетать перед ними?

После внезапной и загадочной смерти Грозного – я тебе уж рассказывала – перстень его любимый надолго исчез из упоминаний. Да и не до него было: через одиннадцать лет бесцветного богомольного царствования умер и его сын Федор, последний Рюрикович. На престол возшел его шурин, дьявольски умный и совершенно незнатный Борис Годунов, уже давно исподволь правивший страной. Это при обилии куда более родовитых – сколько ни истреблял их Иван – бояр да князей. Как, как этому подкидышу удалось подавить волю и знати, и простого

люда, если еще за год до этого даже помыслить было нельзя о таком вопиющем попрании традиций? Ну, женат был царь Федор на сестре Бориса, и что? Интересная все-таки у нас история: власть передается через женщину, словно... гемофилия какая-то. И хотя сама женщина тогда править, в общем-то, могла, но самолично царствовать, как потом, после Петра Первого, – ни Боже мой!

– Все равно, что бомжа президентом избрать! – встрял возмущенный таким безобразием Никита, для которого порядок и справедливость были святы. – А гемофилия... это когда кровь не сворачивается? Да, попался нам один такой чеченский мальчик, случайно раненный... Так и умер, бедняга, не смогли остановить... До сих пор его взгляд помню, затравленный, ненавидящий... И чего дальше было?

– Появление якобы чудом спасенного Дмитрия, злодейски убиенного в Угличе младшего сына Грозного, вогнало в гроб испуганного Годунова. Еще бы – он-то был уверен, что маленького царевича, последнюю преграду на пути к трону, наверняка зарезали. Хотя по меркам того времени Дмитрий считался незаконнорожденным – как же, сын Марии Нагой, шестой жены, а церковь через силу признавала законными только три брака!

Нежданым было это появление, стремительным и поначалу удивительно триумфальным. И тоже непонятно: как он смог всех – все-ех! – убедить, что царского рода и трон по бесспорному праву должен принадлежать ему? Вот называют его Самозванцем, беглым монахом-расстригой Гришкой Отрепьевым, но уже давно историки доказали, что беглый монах и царевич – не одно лицо. И был Дмитрий образован, с Папой Римским переписывался. Держал себя – какой уж там «беглый монах»! Опять мелькает блеск перстня, наверняка доставшегося ему от отца! Не подарил ли он это сокровище возлюбленной супруге своей, Марине Мнишек? После чего не получила ли она над ним огромную власть? Ведь ее короновали, впервые царицу на Руси короновали! Раньше царские жены и царицами-то величались из вежливости, помазания на престол над ними никто никогда не совершал. Знаешь, поглядела я на ее изображение... Ну, ничего красивого! – Настя не удержалась и чисто по-женски возмутилась вопиющим фактом: какую-то не особо знатную польку возвели на российский престол, а была она и пучеглазой, и длинноносой!

– Бывает! – проворчал многоопытный Никита. – Вот у нашего комбата жена – ты бы видела, как он ее письма ждал, с ума по ней сходил, тосковал... А когда убили его... Из паспорта фотка выпала – так, ничего особенного... Толстушка в кудряшках. Только ты того... опять не в ту степь пошла.

Настя с удовольствием поглядела на себя в большое старое зеркало, висевшее над комодом. По семейному преданию, принадлежало оно якобы еще Павлу I, но время не пощадило раму, да и амальгама пошла пузырями – так что пришлось сослать зеркало на дачу... Увиденное успокаивало: не «толстушка» она, и не в «кудряшках» всяких дурацких! Вон, коса какая замечательная! И Никита смотрел преданным собачьим взглядом, словно требовал «Chappy».

Без всяких яких было видно: обожает! Девушка поправила выбившуюся прядь и продолжила: – Погиб свергнутый Дмитрий Первый печально и незавидно, год всего правил... Марина долго скиталась по России. В надежде вернуть себе престол объявляла расплодившихся самозванцев своими спасшимися мужьями. От одного даже сына родила...

– Вот же прищандовка! – не удержался бывший солдат, для которого женская преданность входила в число главных сокровищ мира. Но Настя пропустила мимо ушей его крепкий эпитет, лишь задумчиво произнесла, глядя в окно:

– А мне, знаешь, жаль ее... Одна, среди чужого народа, она не сдалась, возвращаться на родину не захотела. Сильная была... – девушка перевела взгляд на любимого и зарделась. – Чтобы я таких слов солдафонских больше не слыхала! Ладно, слушай лучше, «блюстителю нравственности».

Наконец, Марину схватили, заточили, перстень, надо думать, отняли. Не достался ли он Федору Романову? Иначе – патриарху Филарету, получившему свой сан в Тушино, от Лжедмитрия II, прозванного Тушинским вором. Представляешь, – это в нашем затрапезном Тушино когда-то Лжедмитрий II лагерем стоял!

Далее. Царю Василию Третьему Шуйскому, великому интригану и бездарному самодержцу, трон достался многолетними происками. Но в Смутное время это воспринималось едва ли не как должное. И, уже получив вождевленную власть, Шуйский никак не мог остановиться в своих интригах. До того дошло даже, что жена его на пиру отравила смелого воина и талантливого полководца князя Скопина-Шуйского, начавшего наводить в стране порядок. Испугались Шуйские популярного в народе дальнего родича, да недолго им было царствовать, видать, и козни иной раз осечку дают. Одно дело – интриги плести, а совсем другое – государством управлять! Препроводили царя Василия в монастырь.

Наконец, к власти пришли Романовы, по сути получив ее через родство – смешно сказать! – с незабвенной Анастасией, первой женой Ивана Грозного. Филарет какое-то время правил страной при сыне Михаиле. От него перстень впоследствии перешел Патриарху Никону, возмнившему себя на Руси главным и пытавшемуся подчинить себе Алексея Михайловича, царя Тишайшего... Может, не люди овладевали перстнем, а перстень – людьми? Иначе откуда столько властолюбия и гордыни в простом мордовском крестьянине? Царь поначалу был от Никона в полном восторге, уважал его как никого возле себя... Да только перстень присмотрелся к своему хозяину, да и... передумал. Лишили Никона патриаршего сана, сослали в глушь...

Рассказ был прерван хныканьем мобилы: звонил охранник Сашка, все же вспомнивший одну «небольшую» подробность. Оказалось, среди следов, найденных на месте преступления, различили два типа обуви. Вроде как двое убийц было. Никита понял, что его следы на полу остались и были обнаружены. Выругался в сердцах и тут же получил в очередной раз от Насти по кумполу за сквернословие. Но парень лишь отмахнулся, лихорадочно соображая, что же делать.

Обувь надо было немедленно уничтожить. Почти новые ботинки подверглись безжалостному сожжению на дворе, вместе с мусором. Хорошо, нашлись старые башмаки – Никита в последнее время старался как можно чаще уединяться с любимой на даче. Много чего по хозяйству делал – мужик все-таки! В его многосемейной коммуналке было не очень-то удобно встречаться. Особенно после того как пьяный соседка, – видать, «белка прискакала», – полез драться. Пришлось вырубить.

Отец названный, царство ему небесное, обещал помочь с квартирой, да не успел... За отпечатки свои начальник охраны особо не боялся – слишком часто бывал в резиденции, и к Алексею был вхож запросто – это все знали. Так что его «пальчики» могли быть где угодно. А вот свежие следы на полу, возле тела...

А сразу после позвонили из секретариата Патриархии. Задушевно, с великой печалью в голосе попросили явиться для беседы. Кто приказал: «к ногтю!», не сказали. Вы, мол, приходите и все. Трусом Никиту никак нельзя было назвать, но противный холодок ползучего предчувствия беды опять впился в позвоночник. Главное, как, как скрыть, что был там, если на пальце перстень патриарший, не снимаемый, яркий? Страх передался Насте, которая стала уже конкретно бояться перстня, с его таинственным и страшноватым влиянием на всех, кто даже просто прикасался. А, может, подобно Саше, – не заметят? Голова пухла от опасений и переживаний. Армейский неоценимый опыт, конечно, помогал справиться с тревогой, но теперь не было над Никитой ни «батяни-комбата», ни Патриарха – царство им обоим небесное, – да и друзьями себя окружить было нельзя: слишком опасно. Впервые парень оказался вроде главнокомандующего маленьким войском – он да Настя. А схватка предстояла не на жизнь – на смерть. Смерть... Умирать не хотелось категорически! Хорошо, – подруга проявила неожи-

данное мужество и смекалку: уложила парня спать, и не только спать. Утро, дескать, и вправду вечера мудренее!

«Войско» Никиты уже десятый сон сморил, а парню все не спалось. Не шло из памяти то странное видение: длинная страшная тень, нависшая над Алексием... Снова и снова терзала мысль: где же раньше он мог видеть этого... Человека?

Глава 4

Утро туманное...

Сборы на «беседу» в патриархию были недолги. Настя осталась на даче вроде как за старшую, – рыться в книгах и в Интернете дальше. Удивительно все же, откуда в хрупкой девчонке столько сил и отваги! Ведь ни разу не начала причитать, не повисла на шее заплаканным грузом. Наоборот, если что-то и не давало панике перерасти в окончательный кошмар, то это была именно она, «тонкий стебелек». Не испугалась даже ни разу по-настоящему. А то – вон, как Сашкина жена, когда на мужа, незадачливого бизнесмена, гопота люберецкая наехала конкретно. Чуть не развелись – так в бабе страх запенился! Пришлось Сашке из предпринимателей в охранники снова идти.

Всю ночь шел снег, но день выдался ясный, морозный. Однако тучи и вправду сгустились. Рано поутру выйдя за ворота, – тут интуиция опять отлично сработала! – Никита тренированным глазом заметил на легком снежке следы вдоль забора. Кто-то ночью топтался там – то ли выжидал чего, то ли подстерегал... Вызвал Сашку, и второго охранника тоже – Витьку. Им, кстати, поутру как раз и объявили, что «в услугах больше не нуждаются». Парни прибыли быстро, особо не расспрашивали, почему это, мол, Настю охранять надо. Лишь пообещали «беречь, как зеницу». И, оба крупные да плотные, немедленно окопались на кухне. Витька, обнаружив в холодильнике лишь «вечную мерзлоту», моментом смотался в сельпо, и они принялись что-то там кашеварить, по очереди выходя отследить территорию. А побледневшая от волнений (и недоедания) Настя снова забурилась в свои поиски.

А Никита тем временем уже входил в Секретариат Патриархии. На всякий случай повернул кольцо камнем внутрь, – это было единственное, что оно позволяло с собой сделать. Встретили его ласково, сочувственно – все знали, что был он близок к покойному. Но, произнося дежурные проникновенные слова, все тщательно изучали пол. Парень поиграл желваками, выслушивая отца Владимира, важного чиновника в иностранном ведомстве. В искренность соболезнований совсем не поверил. Его пригласили к только что избранному местоблюстителем патриаршего престола митрополиту Дамиану.

Он тоже ласковее некуда принял *бывшего* (это еще отец Владимир в своих речах подчеркнул) начальника охраны. Посетовал, что приходится расставаться. Высказал лучезарную надежду, что лишь на время. А как заговорил о печальных событиях, – молчун-войка просто заслушался, ибо митрополит был редким златоустом. Любил Никита книжки в жанре фэнтези, и вспомнился ему один персонаж из Толкиена: белый маг Саруман, перед чьим умением красиво убедить не мог устоять никто... Конечно, заподозрить в магии светильника Церкви было и смешно, и нелепо: колдовать служителям категорически возбранялось еще с незапамятных библейских времен. Однако Дамиан с общих фраз быстро переключился на вопросы более чем конкретные. Заговорил о расследовании, которое взялась проводить служба безопасности Церкви. Обмолвился и о следах невероятного 47-го размера, *в числе прочих* найденных в опочивальне уби... тут митрополит осекся и продолжил, уже в русле официальной позиции Синода: почившего в Бозе Алексия. Но внима-а-тельно взглянул на Никиту, и тот понял: оговорка не была случайной! Машинально покосился на свои ноги: ребята в отряде, смеясь, недаром их «лыжами» называли! Тот самый несуразный 47-й размер и впрямь был необычен даже для здоровяков-десантников. По мнению златоуста выходило, что кто-то сильно напугал или разгневал Патриарха, и тот умер от разрыва сердца. И вроде как их, проклятых, двое было, оба – в огромных башмаках. И опять митрополит – зорко так! – взглянул на Никиту. И заговорил, на сей раз строго, резко, – о незапертом сейфе и о брошенном раскрытом ларце. О свя-

тотатстве. О пропавшем мобильнике покойного. А потом перешел к самому главному, отчего Никиту прошиб холодный пот:

– Сын мой, известно ли тебе, что у Святейшего был один такой простенький перстень... с синим камешком? Вещица сама по себе чепуховая, но древняя... Среди описи числился, а среди найденных на месте престу... – Дамиан опять осекся, – ... в опочивальне, его не нашли. Все, хоть и вповалку, да на месте, а перстня нет. Тебе, как доверенному лицу, могу сказать: есть тягостные подозрения, что кто-то до прибытия наших людей побывал в резиденции и что-то там искал. Что тебе известно по этому поводу? Говорил ли тебе что-то об этой реликвии Святейший? Тебя не могли найти в тот день, что крайне прискорбно... Кто мог интересоваться драгоценностями Церкви? – Его Высокопреосвященство снова перешел на задумчивый, отеческий тон – он увидел, как напряглось и посуровело лицо Никиты.

– Не знаю. Сам ничего понять не могу... Тяжело мне, очень тяжело, – голос сорвался: тут Никита не соврал ни капельки. – Если бы я там был, то, может, ничего бы и не случилось... В смысле, «скорую» бы вызвали вовремя! А я, как на грех, с девушкой своей завис... гулял то есть! Никогда себе не прощу! А про кольцо это... Нет, я его и не видал никогда, да меня в подробности сокровищ ризницы и не посвящал никто...

Опять потупился, машинально взглянув на свой сжатый кулак – костяшки побелели! Перстень сейчас выглядел на руке как простое обручальное кольцо. Но вроде бы Кирилл ничего не заметил, или сделал вид... Нет! Конечно, не заметил, иначе беседа приняла бы совсем другой оборот!

Митрополит стал прощаться, обронив, что дело-то оно, конечно, молодое, но... Вновь пообещал подумать о судьбе Никиты. Намекнул, что его надежность и преданность теперь нуждаются в серьезном подтверждении. И вдруг, скользнув пронизательным взглядом по руке Никиты, спросил:

– А что, сын мой, никак ты женился? Вижу – кольцо у тебя...

– Это... так, обручились мы... Да и пора, мне уж тридцатник скоро стукнет... Свадьба не за горами, – ставший пунцовым парень попытался улыбнуться. Но не от смущения он покраснел, а от волнения. Еще бы, вдруг митрополит спросит, освящал ли Никита кольцо? Да и освятить захочет?! Но и тут Бог отвел: Его Высокопреосвященство рассеянно благословил уволенного начальника охраны, вроде как окончательно потеряв интерес и к нему, и к его сердечным делам. Надо думать, и к трудоустройству... Но перстень он увидел, пусть только ободок! Что бы это значило? Стало быть, кто-то перстень замечает, а кто-то – нет? Может, довериться? Или не стоит торопиться?

Так ничего и не решив, парень отправился восвояси. На выходе Никиту долгим взглядом проводил отец Владимир. Что-что, а уж взглядом здесь умели работать...

Уже выезжая из города Никита обратил внимание на следовавшую по пятам машину. Прибавил скорость – традиционно черный джип несся за ним как приклеенный. Свернул в проселок, – эти места он явно знал лучше преследователей, – стал кружить дачными тропами. Камень на руке сиял все ярче, словно азарт погони придавал ему энергию. Навстречу из ворот новорусского участка, – типичные башенки, эркеры, кирпичный высоченный забор, – неторопливо выезжал фургон, украшенный рекламой какой-то супер-пупер эксклюзивной мебели. Никита успел проскочить, а дорога для джипа оказалась на какое-то время перекрыта. Уф-ф, оторвался!

Настю он нашел за компьютером, ребят – на кухне. Сытых, розовых, довольных. Рассказал, что увольнение – не только их удел. На вопрос: «А чего Дамиан?» ответил, покосившись на любимую, что повел себя митрополит с этим, как его... с «византийским лукавством». Настя удивленно улыбнулась, – точь-в-точь педагог от внезапных успехов своего самого отстающего ученика.

В ответ друзья доложили, что ничего подозрительного вроде не заметили и что «живы будем – не помрем». Станным показалось лишь то, что в это время года на соседних участках наблюдалась какая-то жизнь. А Настя утверждала, что все эти летние домики зимой пустуют. Вроде никого конкретно и не видели, но кто-то там точно был – следы, ведущие к домикам, виднелись отчетливо.

В любом случае, недавнее преследование обозначило недвусмысленную перспективу: покоя им не дадут. Надо срочно сматываться, но – куда? Сашка помялся и предложил квартиру тещи, что недавно померла от жадности. Жена Сашкина вознамерилась ее продать, но наследственные качества характера не позволяли сделать это быстро. Так что пока «убитая» двушка в хрущевке стояла «безвидна и пуста».

Собрались по-армейски быстро. Настю извлекли из Интернета, погрузили в машину – с ноутбуком и сменой белья в охапку – и спешно покинули гостеприимную дачу, вычислить которую теперь не смог бы только ленивый – возможности спецслужб ребятам были хорошо известны. На выезде с садового товарищества услышали позади шум мотора... Никита, проехав шлагбаум, выскочил и заглянул в сторожку, где валялся пьяный сторож дачного кооператива. Тогда он опустил шлагбаум и заклинил его намертво – чтобы выехать следом, надо было бы снести все напрочь. И тут беглецы ударили по газам! Как уж там преследователи разбирались со сторожем, да и они ли это были – осталось тайной, но слежки ребята не заметили до самой Москвы.

Когда под вечер приехали на место в район «Сокола» и кое-как разместились, позвонила Людка, жена Сашки. По обыкновению, сразу начала вопить в трубку, что к нему тут приходили какие-то люди, разыскивали, а она и не знает, где он, черт его дерит, шляется и по каким шалавам его носит, и чтобы немедленно дул на мамашину квартиру – покупатели к восьми придут смотреть. Иначе ей самой придется ехать аж из Бирюлево, и мало тогда Сашке не покажется! Она так орала, что становилось непонятно, зачем Людка пользуется телефоном? Ее и так было бы слышно даже во Владивостоке.

Приняли решение до прибытия покупателей всем, кроме «хозяина», погулять в районе. Ноги сами привели ребят к церкви Всех Святых. Уже смеркалось, и в храме почти никого не было, только пара старух и богомольный, почти нищенски одетый юноша – из тех, кто никому толком не нужен и кому нет нужды объяснять, зачем это в XXI веке существует такой «пережиток», как церковь. Стоило только взглянуть, как истово он крестится в своем непонятного фасона пальтишке с облезлым, когда-то цигейковым воротником, по которому рассыпались кустарно стриженные соломенные волосы...

Витька, в глубине души почитавший религию суеверием, а себя – «продвинутым», поодаль глазел на росписи стен и сводов. Свою работу в Патриархии он, демобилизованный в никуда и умеющий только воевать, воспринимал как «хлебную должность», а не как религиозное призвание. Впрочем, так рассуждают и некоторые священники, чего же вы хотите от солдата? Религиозное призвание вообще – дело такое, интимное, сразу и не объяснишь...

Так вот, Витька ждал, когда можно будет выйти из храма, покурить и заглянуть в гастроном – в животе уже начинало неприлично урчать. Что ж, кому – храм, а кому – гастроном.

Никита с Настей постояли перед алтарем, потом поставили свечи: за упокой, понятное дело, и – Матронушке... Настя трепетно относилась к этой святой, еще совсем недавно ходившей среди людей обычной нищенкой. Помолились...

И совсем уже собрались уходить, как вдруг откуда-то возникла бабулька – в беленьком платочке, почти горбатенькая, крохотная. Она приблизилась, схватила Настю за рукав и зашептала горячо ей что-то на ухо... Девушка растерянно оглянулась на Никиту:

– Она говорит... Говорит, что нам всем надо скорее идти туда, в придел... Никита, я ничего не понимаю...

А бабушка уже семенила к неприметной двери, странно запрокинув голову и сильно прихрамывая. Никита только хотел сказать, что нечего всяких бабок слушать, как вдруг почуял, снова почуял ледяной запах опасности. И перстень вдруг тоже заволновался – стал покалывать, словно через него электричество пропускали. Сделав знак Виктору, он кинулся следом за Настей, и, едва группа скрылась, в церковь ввалились двое здоровяков в черном, огляделись, прошлись, не сняв вязанных черных шапчонок, шныряя повсюду внимательными, совсем не смиренными взглядами. И вновь растворились, растаяли как морок, под гневное шиканье продававшей свечи женщины: «Шапки, шапки-то снимите, окаянные, не в пивную небось пришли!»

А наши друзья спешили по какому-то служебному коридорчику вслед за согбенной бабушкой, удивительно резво семенящей на кривеньких ножках в простых войлочных чунях. Она вывела ничего не понимающую троицу в крохотный старинный палисадничек, бывший когда-то погостом при храме, и прошептала:

– Бегите, деточки, и пока в дом-то не вертайтесь, беспокойно там... К ночи можете туда прийти, не раньше. Словам друга свою не верьте, не со зла он, а по злему принуждению.

– Откуда вы, бабушка, все про нас знаете? Как вас зовут? – Настя вдруг заметила в полутьме, что вроде как крохотные глаза женщины какие-то... незрячие!

– И-и, милая, это я вас не знала досель, а вы-то меня хорошо знаете, не дале как сегодня вот вспомнили, спаси вас Бог! Если помощь нужна будет – приходите сюда, особенно после того, как церковь на ночь закроют. Вам тут завсегда помощь и окажут! Я-то здесь часто бываю, да и прочие *наши* заглядывают... Даже Пантелеймон сегодня появился, все за вас волнуются... А вы, если придете, отца Алексея найдите. Но лучше к ночи приходите... Ну, с Богом, милые мои! *А ты, парень, береги – вещь-то! Она много зла может принести, ежели не в те руки попадет.*

С этими словами старушка скрылась обратно в церковь. Никита ошарашенно огляделся и осторожно проверил – нет ли кого вокруг. Но повалил снег, неожиданно густой и пушистый, он скрадывал звуки и позволил ребятам окольной тропкой незаметно пробраться к парку, а там по едва освещенной аллее выйти на улицу подальше и перевести дух... Мела метель, и прохожих совсем не было, лишь тепло светились окна домов... Чужих домов... Настю пронзило ощущение неприютности, но оно быстро прошло – стоило вспомнить неведомую бабушку: мир и правда оказался не без добрых людей!

– И шо це було? – подал голос Виктор, менее всех расположенный к чудесным знамениям.

– Не знаю, Вить. Странно она как-то это сказала, ну, будто мы ее только что вспомнили... – Никита очнулся от глубокой задумчивости и стал набирать телефон Саши. Никто не отвечал. И перстень устало померк, словно надорвался, пытаясь защитить своих подопечных...

Зато Настя, открытая всему чудесному, быстрее всех пришла в себя и заторопилась в магазин – чудеса чудесами, а ужин для троих здоровых мужиков никто не отменял! Она даже и не удивилась особо – потому что видела, как внезапно и словно ниоткуда возникла странная всеведущая бабушка там, у поставца со свечами. А две старушки как стояли в углу, так и остались стоять, мелко крестясь. Но этой, третьей, не было в храме, когда они вошли! И Настя первая поняла, кто им помог спастись от тех, наглых и стремительных, несущих гибель. Уверенное спокойствие охватило ее – впервые за эти дни.

В гастрономчике, под завязку набитом продуктами, равнодушная продавщица стала что-то выговаривать Никите, конкретному как закон Ома: «Вот сами и доставайте свою водку, я не полезу на верхнюю полку, вас много, а я...» На помощь пришел Виктор, с шутливой угрозой подхвативший: «... вот именно! Нас много, а ты – одна!» Продавщица с халой на голове и драматическим номером бюста тут же все нашла, и достала, и завернула, и сладко защebetала про тяжелую свою участь. Еще бы, такой красавец заигрывает! Внешность у Вити была определенно сердцеедная: все продавщицы всегда и везде перебежали из «вражеского

лагеря работников торговли» на его сторону! А вот на сторону хмурого, не улыбочивого Никиты перебежала одна Настя... Спиртное решили взять, чтобы старым дедовским способом снять стресс, и один робко протестующий голос Насти потонул в мощном мужском воодушевлении.

Однако Саша так и не отвечал на звонки. Никите вздумалось пойти в торговый центр – купить башмаки получше. Вспомнил, как Дамиан покосился на его затрапезное старье. Пока в обувном искали подходящие гигантские ботинки, причитая, что чемоданы у них – в следующем отделе, зазвонил телефон. Саша по-пионерски бодро, – чуть ли не под залиvistые звуки горна, – отрапортовал, что покупатели были, и все купили, и они могут безбоязненно вернуться.

Только слишком бодро у него это получилось. Если кто-то и мог употреблять задорно-эротические обороты типа «всегда готов!», то уж точно не сумрачный, застенчивый Сашка, замурзанный женой и судьбой. Бодрость в голосе Никиту не обманула: возвращаться было нельзя.

Глава 5

Демоны древнего подземелья

Странное это было место. Любой человек ничего, кроме ужаса не испытывал бы под этими сводами. Но Серый Мастер давно забыл, что он когда-то был человеком... Он шел по длинному сумрачному, ведущему куда-то вниз коридору, освещенному лишь трепетным пламенем факела. Мысленно готовился к встрече с Хозяином. На стенах то тут, то там виднелись странные символы и знаки, отдаленно похожие на египетские иероглифы. Кое-где тонкими струйками стекала вода, поблескивая в неверном свете, и звук шагов глухим эхом таял позади, порождая жутковатое ощущение, что по пятам движется кто-то еще. Но Мастер не боялся: Подземелье было очень древним, возникшим в незапамятные времена, дороги сюда не знал ни один из ныне живущих людей. Идущий навстречу судьбе понимал, что там не примут оправданий. Если удастся остаться в живых, то это будет исключение из веками существовавших правил. Требовался результат, а не цепь досадных случайностей и нелепых нестыковок. Результат любой – пусть самой страшной! – ценной. Впрочем, последнее Серого Мастера нисколько не смущало. Но в этот раз самое страшное оказалось еще и самым бессмысленным. А бессмысленного Хозяин никогда не терпел и не прощал. Как не терпел вокруг себя человеческих новшеств. Вот – вместо фонарика пришлось воспользоваться чадающим факелом. Фигура в плаще с капюшоном торопливо шла тесными коридорами, тени металась по выщербленной кирпичной кладке, по растрескавшимся каменным плитам, выхватывая из мрака таинственные символы, запрещавшие чужаку проникать в потайное логово... Досада сменялась трепетом, трепет – мрачным осознанием своего провала. Отчеты Хозяину, всегда недовольному и раздраженному, сопровождались страхом и этим вязким чувством вины. Ибо наказание за провинности было поистине ужасным... Но и награда за верную службу превышала все, мыслимое простым человеком! Но был ли когда-нибудь Хозяин «простым человеком»?..

Никто не знал, сколько ему лет и откуда он родом. Никто не смог различить его длинного обличья. И конечной цели его тоже никто не ведал. Но всегда находились те, кто был готов служить ему. Ибо Хозяин давал могущество в мире людей.

Вдруг коридор сделал резкий поворот и Серый Мастер оказался на узком каменном мостике, ведущем в пространство, напоминавшее залу средневекового замка. Высокие своды терялись во тьме, стены скупо освещались чадающими факелами, а вдалеке виднелся огромный камин, в котором догорали поленья, бросая багровые блики на каменные плиты пола. Мостик был перекинут через канал, черные страшные воды которого, казалось, текли отсюда прямо в Преисподнюю. Мастер осторожно перешел канал – он помнил, как однажды, много лет назад, молоденький неофит, желавший могущества, поскользнулся, упал вниз и был поглощен водой даже без всплеска, просто исчез и все... Перед камином вполоборота стояло кресло, обитое мрачным бордовым сукном. Тусклый свет падал на маленькую фигурку, застывшую в расслабленной позе.

– Подойди ближе... Еще ближе... – прошепестел тихий голос на исчезающем уже языке – на земле не сохранилось даже текстов на нем. Кроме одного ветхого неистребимого пергамента. Только Мастер еще понимал этот язык и знал о документе, настолько древнем, что рядом с ним священные свитки Торы были просто свежим номером журнала «Лиза».

– Хозяин! Я не смог добыть перстень. Мне помешали. Я убил Патриарха, но в покои неожиданно ворвался его телохранитель. Схватка с ним могла отнять много времени, и мое воздействие на ближних людей Алексия закончилось бы. Я не мог рисковать, ведь, – голос говорящего дрогнул, – я надеюсь еще пригодиться тебе...

– Успокойся. Сядь.

Серый Мастер вдруг заметил рядом с собой грубо сколоченный табурет. Только что его вроде бы не было... Осторожно присел на краешек. А голос продолжал шелестеть, и временами собеседник тени, закутанной в черный бархатный плащ, еле различал – скорее угадывал – слова. Неожиданные, непривычные.

– Ты все сделал правильно. Теперь этот... ммм... телохранитель станет выпутываться, спасать свою шкуру и, рано или поздно, начнет искать остальные Знаки. Пока мы не будем отнимать у него перстень. С его помощью он отыщет то, что нам нужно, сделает всю грязную работу! – тут голос окреп и зазвенел металлом, – ведь тебе известно, что я не могу покидать подземелье в моем настоящем виде, а в облике человека мои возможности не столь велики! А ты и твои... ммм... ученики – шайка безмозглых бандитов.

– Да, Господин, я понял. Но тогда необходимо указать ему путь...

– Я уже подумал об этом. И нашел кое-кого – он, сам того не желая, поможет нам добиться справедливости – ведь Знаки по праву принадлежат мне! – голос стал звучать так мощно и низко, так страстно, что каменный пол поплыл перед глазами Серого Мастера. Тень медленно поднялась, напоминая в бликах пламени сгусток дыма от горящей резиновой покрышки.

– Ты должен найти носителя кольца. Должен свести его с этим человеком. Когда придет время, я завладею их душами и отниму Знаки Сокровенного.

Смотри!

Перед глазами Серого Мастера из угасающих поленьев вдруг взметнулся язык пламени и в нем возникла худощавая фигура молодого парня. Широкие плечи. Светлые взлохмаченные волосы. Его можно было принять за подростка, если бы не взгляд: умный, внимательный, совсем не детский.

– Запомни его! Запомни и найди. Ты умеешь... Пусть он передаст обладателю перстня частичку Тайны... поможет найти мое достояние... – голос Хозяина стал меркнуть, а фигура поплыла во тьму и растворилась в ней.

Глава 6

Выход из западни

Оставив Настю под защитой Виктора в универмаге, Никита решил сам разобраться в ситуации. Перстень наливался тяжестью и нестерпимо покалывал руку – опасность росла с каждым шагом, приближавшим парня к подъезду. Войти в который было смерти подобно. Спрятавшись за угол дома, он еще раз позвонил. Сашка отвечал таким же бодрым истеричным голосом. Только очень чуткое ухо смогло бы различить в нем нотки растерянности. Вычислив, где находится балкончик квартиры, Никита высоко подпрыгнул, уцепился за пожарную лестницу и вскарабкался на крышу хрущевки. Тихо спуститься с нее на балкон не составило труда для тренированного бойца. Осторожно заглянул в комнату.

Сашка понуро сидел в кресле, тупо глядя на мобильник, лежавший перед ним на обшарпанном тещином журнальном столике – из допотопного гарнитура «Хельга». Один глаз затек, скула была рассечена, из раны медленно сочилась кровь. По бокам наизготовку стояли давешние люди в черном. Напротив, на диване, сидел еще один – постарше, и рангом, надо думать, повыше. Комната носила явные следы недавней потасовки. В приоткрытую форточку доносились слова старшего:

– ... так что ты не трепыхайся, а то жена твоя и сынок, сам понимаешь... Да не переживай так! Нам же только поговорить надо с твоим начальничком, никто никого не тронет. А поможешь нам – подумаем о твоём трудоустройстве. Семью-то кормить надо? На-а-до... Было бы кого кормить...

На Никиту опять накатило ощущение нереальности происходящего. Настолько часто подобные сцены мелькали в телесериалах, что казалось: вот-вот из распахнутой двери вылезут младенцы и пойдет реклама памперсов. Саша по-прежнему безжизненно смотрел в стол.

– Ну, и где же твой бывший шеф? Что-то долгонько он тащится сюда... Ты ему, часом, не намекнул чего? А то у старых друзей есть на такой случай словечки разные, сигнальные. Смотри...

– Придет, сам сказал: «Сейчас будем»... – разлепил губы несчастный Сашка, только что предавший друзей. – А покурить можно? Я на балконе, а то Люд... жена то есть, запрещает в доме дымить... Придет – ругаться будет, – даже в критической ситуации бедняга не мог послушаться жены.

– Иди, – старший пожал плечами, – ты только запустишь его в квартиру, чтобы он не заподозрил ничего. А там мы уж сами с ними разберемся. И со вторым, и с девкой.

Саша, пошатываясь, – видать, хорошо его уделали, гады, – вышел на воздух, не заметив притаившегося за старыми лыжами и гладильной доской Никиту. Тяжкий вздох вырвался из его груди. Он напряженно смотрел вниз, словно надеялся каким-то знаком предупредить товарищей. Наконец докурил и, развернувшись, вдруг заметил Никиту. Реакция сработала моментально – то есть никакой реакции не последовало, только взгляд едва дернулся. Он прошел обратно, оставив дверь полуприкрытой. Один из охраняющих вышел, должно быть в туалет.

Никита сообразил и немедленно набрал текст СМС-ки: «Выйди на улицу, дело есть». Перстень уже просто дергался на пальце, наполняя своего носителя странной звенящей силой, словно превращая его в туго натянутую струну.

Через секунду Саша схватил телефон и как бы растерянно сунул его старшему. Тот хмуро прочел, задумался. Потом набрал номер на своем мобильнике:

– Так, быстро организовать слежку за домом! Быстро, я сказал! Та-ак... Постараемся взять его у подъезда! Попался, голубь! Станет убегать – стрелять на поражение!

Никита понял, его друга не отпустят. Скорее всего, от него сейчас же избавятся за ненадобностью.

«Просто поговорим» – ага, как же!

Разум еще просчитывал варианты выхода из смертельной ситуации, а тело, распахнув балконную дверь, уже ввалилось в комнату. Сашка будто ждал этого момента – ловким приемом вырубил одного охранника и послал в нокаут другого, заскочившего в комнату на шум. Расслабились ребята, нехорошо... Видать, и Сашка не ожидал тогда их нападения, раз его смогли скрутить и заставить врать в телефон.

Сидевший спиной к балкону попытался вскочить, но Никита сцепил на его шее ручищи и слегка сжал их – раздался хрип. Сашка оперативно отнял у главаря оружие и принялся связывать лежащих на полу в бессознанке.

Никита наконец смог разглядеть того, кто грозил расправиться с женщинами и детьми. Вид у мужика был вполне интеллигентный, почти благообразно-профессорский. Усики, сидящие виски... Вот же гнида!

– Ну, и «чьих вы, хлопцы, будете?» – Никита грозно глянул в глаза липовому «интеллигенту», который пришел в себя и с ужасом смотрел на парня, выскочившего как чертик из коробочки. Казалось, не только силы вдруг оставили его, но и рассудок.

– Чье подразделение? Сам кто? Ну, живо!

Человек, словно через силу, вдруг заговорил.

– Спецподразделение ФСБ... Майор Черных... Приказано найти тебя и конфисковать перстень с синим камнем... После изъятия носителя уничтожить... как грабителя и убийцу патриарха... Всех, кто причастен, – тоже... уничтожить...

– Как нашли нас?

– Маячок на машину... успели посадить... – тут глаза мужика закатились. Признание отняло у него последние силы. Или таинственным образом исполнилось страстное желание Никиты? Ну, чтобы враги отключились надолго – убивать никого не хотелось. Перстень тоже успокоился, стал меркнуть, как будто выполнил некий долг.

Саша слушал все это, оторопев. Охранники валялись на полу связанные, с кляпами, на скорую руку сооруженными из старой занавески, найденной в тещином шкафу. Рука у бойца была тяжелая – нескоро очухаются.

– О каком перстне он говорил, шеф? – непонимающий взгляд товарища заставил Никиту помрачнеть.

– Некогда объяснять! Все, уходим, быстро! В церкви скроемся, – шепнул Никита и бросился к балкону. Он хорошо помнил, что у подъезда их уже ждет засада. Первым схватился за ручку двери, да... Перстень опять отчаянно завибрировал. Раздался негромкий хлопок. Обернувшись, Никита увидел, как Сашка, словно в замедленной съемке, заслоняет его и оседает на пол... Майор Черных вновь отключился, завалившись на диване боком, рука с пистолетом безвольно упала. Похоже, нейтрализующее действие перстня было сильным, но кратким...

– Саш, ты что, очнись! Ну, давай, куда тебя ранило?! – Никита пытался привести друга в чувство, но тот лишь пробормотал: «Людка придет... ругаться буде...» Взгляд его окончательно остекленел. Майор, сука, был профессионал, попал прямо в сердце...

Предаваться отчаянию было некогда. Парень выскользнул на балкон, влез на перила, мощным рывком подтянулся. Жесть предательски захрустела, но выдержала. Уход и спуск по пожарной лестнице вроде прошли незамеченными. Сашка так и остался лежать рядом со связанными гэбистами и их ополоумевшим шефом...

В торговом центре Настя и Виктор быстро отыскались – понуро сидели за столиком в кафешке. Сердце-то – вещун... Печальное известие повергло их в ступор. Вот тебе и «казаки-разбойники»... Настя прослезилась. Только необходимость срочных действий не дала ей разрыдаться в голос. Пока шли обратно к церкви, Настя, мужественно борясь со слезами и стра-

хом, скороговоркой рассказывала ребятам о патриархе Никоне и затеянной им Схизме. Ну, что – зря, что ли, столько книжек перерыла?! Старалась отвлечь и себя и друзей от горьких раздумий, но на ходу получалось, что она просто что-то там свое бормочет. Парни хмуро слушали вполуха:

– Никон рассчитывал, что после реформы расстановка сил в государстве изменится, и мягкий, слабовольный на вид царь окончательно попадет под безраздельное влияние патриарха. Ибо за всеми мелочами – ну, креститься троеперстием, Исуса Иисусом называть и тому подобное – скрывалось ненасытное властолюбие Никона, положившего в основу своих деяний слова Доната Великого¹: «Императору нет дела до Церкви, но Церкви есть дело до всего!»

Однако тишайший царь, хоть и вроде прост был, а довольно быстро понял, чем грозит ему и государству беспримерное возвышение Никона. Тот ведь велел себя величать Государем! На церковном соборе Никона лишили сана и сослали в дальний монастырь со строгим уставом. Однако его реформы были закреплены – породив схизму. Ну, – раскол, долгие годы смущавший духовную жизнь россиян. По сути, он до сих пор не преодолен. Поезжайте на Рогожскую заставу, поглядите на старообрядцев! Мы с отцом там однажды побывали, так ему записочку кто-то прислал, прямо в церкви: «Бритие бороды есть латинская ересь!»

Спустя много лет Алексей Михайлович смилоствился и разрешил Никону жить поближе к Москве, но больной патриарх-расстрига умер на пути к столице...

Тут Виктор перебил неинтересную и малопонятную для него речь девушки, которая уже задыхалась от быстрой ходьбы и еще более быстрой речи:

– Никит, а что им надо? Если они легко человека уничтожили, то – ясный корень – дело не в том, что они ищут убийц Патриарха.

– Потом расскажу, – обронил Никита, сам еще не решивший, можно ли доверить товарищу тайну. Страшную тайну, как выяснилось... Да и нужно ли? Ведь он так и не заметил перстня.

Подшли к церкви, уже закрытой для прихожан. Тихо постучали... Пришлось ждать, но вот дверь приоткрылась: на пороге показалась темная фигура и смутно знакомый голос прошептал: «Входите, дети мои...» Чья-то фигура отступила в сторону, пропуская ночных посетителей.

В пустой церкви пред образами еще догорали свечи. «Странно, – подумала Настя, – бабушки их обычно собирают к ночи...» В робком мерцании огоньков беглецы разглядели высокого седобородого священника в темном облачении. Даже длинная епитрахиль мерцала на груди золотым шитьем, словно старик собрался кого-то исповедовать. Когда свет упал на его лицо, Никита вздрогнул: таинственного старца нельзя было отличить от покойного Алексия, Патриарха Всея Руси! Он печально улыбнулся и ласково сказал:

– Здесь вы в безопасности. Вот, сын мой, и довелось свидеться... Только не прикасайтесь ко мне! – предостерег Алексей, видя, как Никита инстинктивно устремился в его сторону, пытаясь по привычке преклонить колени...

– Отец, ты ли это?! – лицо Виктора за плечом Никиты было белее мела. А Настю опять охватило удивительное спокойствие. От фигуры будто веяло уверенностью и... надеждой.

– Я, сын мой... – старец тяжело вздохнул и, обращаясь к Никите продолжил, по обыкновению своему слегка «окая», – нелегкий путь тебе предстоит, и даже я не знаю его исхода... Одно могу сказать: поведет дорога далеко отсюда, на восток, в древние Алтайские горы. Будь тверд – многое теперь только от тебя и мужества твоего зависит. Сам знаешь, «один в поле не воин», – так что спутников своих береги... Однако на все воля Божья... Дорогу тебе укажет

¹ Донат Великий – деятель раннего христианства, Епископ Нумидийский. Один из основателей, епископ и глава донатистской церкви. Положение Доната о том, что христианские таинства оскверняются прикосновением к ним порочных рук, легло в основу многих европейских средневековых ересей. В 348 г. Донат был низложен императором Константином, изгнан и умер в ссылке.

некий человек, он тебе кое-что объяснит, ну, да скоро сам все узнаешь. Очень скоро... Завтра вам встреча предстоит. Мы с ним не были друзьями при жизни, а теперь... Может быть, лишь он один и способен вам помочь... Перстень этот береги, он выведет тебя к другим Знакам. Пять их всего, в разных странах схоронены... Не должны попасть они в дурные руки. Использовал я силу перстня, многогрешный, о пользе для Церкви радел... Да злодей оказался сильнее меня.

– Откуда этот перстень, Отец? – еле вымолвил взволнованный Никита. Настя и Виктор по-прежнему стояли за его широкой спиной, понимая – они тут сейчас не главные, помалкивать надо.

– Древняя это вещь, возможно, самая древняя на свете... Исповедовал я на смертном одре одну старушку, еще когда молодым священником был... Открылась она мне, что служила в горничных на даче Иосифа Сталина и находилась там в те мартовские дни 53-го... Когда генсека нашли в параличе, он, по ее словам, лежал и вроде как судорожно тянулся к чему-то. Тогда не обратил никто на это внимания, а уже потом, убираясь в комнате, женщина и нашла перстень – он под диван закатился. Взяла грех на душу – спрятала и никому ничего не сказала. Много зла после в ее семье произошло... Дочь повесилась, муж спился, сын в тюрьму попал... Повинилась она Господу, да и отдала кольцо. Сказала, что у меня оно сохраннее будет и, может, я молитвами силу эту зловещую успокою. Запомни, сын мой, камень этот синий несет гибель тем, кто не имеет права владеть им! Вот и я поплатился за то, что столько лет тайно хранил перстень... Вижу – тебя он признал... А я даже надеть на палец его не мог. Думал безнаказанно им пользоваться. Как же я ошибся! Впрочем, все смертно, и это великое благо...

Не сразу стало понятно, что это за реликвия, а когда догадался... В древних книгах упоминания отыскал... Ну, девушка твоя тебе уже кое-что, знаю, рассказала. Вот, возьми этот древний свиток, тебе его растолкует... кто надо, только помни – это лишь часть Великой Тайны, а остальное откроется тебе в свое время!

Говоря это, Алексей медленно приблизился к аналою, вынул из складок рясы небольшой предмет и положил его на раскрытую книгу. Фигура словно колебалась в слабом свете свечей, по сводам металась жутковатые тени, и Никите никак не удавалось ясно разглядеть того, кого он так любил и почитал. Словно преодолевая боль, Алексей с трудом продолжил:

– Время мое истекает, да и вам надо спешить. Только будьте осторожны по выходе отсюда – злые люди рыщут по ваши души! Они опасны, но во сто крат опаснее тот, кто посылает их... Теперь же... подойди ко мне, сын мой... – сказал он, обращаясь к Виктору.

Испуганный парень – просто лица не было! – приблизился и опустился на колени. Никита и Настя остались поодаль и с удивлением наблюдали, как Призрак Патриарха исповедал и благословил их товарища... Пока «гроза сепаратистов» соображал, за что такая честь выпала лишь Витьке, Настя каким-то шестым чувством уже поняла все. Опять подступили слезы, и девушка сильнее прижалась к надежному плечу любимого, горячо надеясь, что их куда минует чаша сия...

Алексий окончил исповедь, бросил на ребят прощальный и печальный взгляд, перекрестил их и неслышно удалился в непроглядную темень храма. Командир маленького войска осторожно сгреб ручищей оставленный призраком предмет – это был цилиндрический футляр из какого-то материала, похожего на серебро. Поверхность украшали загадочные знаки, сплетенные в узоры...

Уходили, как в первый раз, через дверцу в притворе.

На улице была уже глубокая ночь, всюю разыгралась злая метель, сквозь снежную круговерть которой тускло светились лишь фонари и редкие окна домов. Из колючих порывов ветра вдруг выступили три черных фигуры. Никита резко оттолкнул Настю в сугроб – засветили пули, но ветер мешал нападавшим тщательно прицеливаться. Однако одна пуля все же настигла цель. Виктор, совсем как давеча Сашка, рухнул, отброшенный выстрелом, и затих.

Эти стрелки не стремились «взять живым», им не нужны были пленники с их признаниями. Им нужна была только реликвия.

Вдруг позади нападавших неслышно возник еще один силуэт, мгновенно разделившийся на две стремительные тени. «Собака!» – догадалась зарывшаяся в колючий снег Настя. Двое нападавших замешкались и это погубило их: одного вырубил незнакомец, другому, выбив пистолет, свернул шею Никита. Третьего, с разорванным горлом, стерег огромный пес. Нежданный спаситель оказался худощавым парнишкой, почти подростком на вид, из-под вязаной шапочки полыхнули тревожные глазищи.

– Спасибо, брат! Не ты – худо бы нам пришлось! – проговорил Никита, поднимая из сугроба Настю, которая сразу бросилась к телу Витьки. Заплакала, пробормотав сквозь слезы: «Да и так худо! Витя, бедненький... он же мне только вот о себе столько рассказывал...»

Никита перевернул тело своего противника. На него глянули мертвые, вылезшие из орбит глаза майора Черных. Незнакомец, стоя рядом, торопливо говорил:

– А я тут в парке с собакой гуляю, и вдруг какой-то мужчина подбегает, высокий такой... Задыхается, кричит, что там, у церкви, людей убивают! Ну, я и бросился – с Трезором-то не так страшно... Оглянулся, а мужика-то и нет нигде. И куда делся? Как сквозь землю...

Никита поднялся с колен и протянул ему руку, крепко пожал, с удивлением ощутив железную хватку незнакомца.

– Я – Никита, она – Анастасия...

– Можно просто Настя, – прошептала девушка, во все глаза глядя на нежданного союзника.

– А я буду Даниил, можно просто Данила, или, как сейчас говорят, – Дэн.

Парень покосился на распростертые тела. Коротко вздохнул. – Уходить надо, пока менты не набежали. Насколько я понимаю, ждать их вы не хотите. Так ведь?

В его голосе слышался легкий, почти исчезающий акцент. Но вникать в это было недосуг. Никита коротко кивнул и «трое, не считая собаки» быстро скрылась среди деревьев, срочным порядком углубившись во дворы на улице Вальтера Ульбрихта. Пес оказался мощным ротвейлером. Он спокойно шел рядом с хозяином, иногда оглядываясь на него, иногда подозрительно поглядывая на новых знакомых.

Там, рядом с кинотеатром, в одном из сталинских домов и обитал Данила. Поднялись к нему на третий этаж, в большую пустынную квартиру. Оторопевшая от событий и горестей Настя сразу юркнула на кухню – мол, сготовлю чего на скорую руку. На самом деле ей хотелось остаться одной и, по извечной женской доле, прийти в себя, погоревать, выплакаться. До недавнего времени она только однажды видела смерть: год назад умерла няня. Но она долго болела и была уже старенькая. А тут...

Парни уединились в комнате, похожей на кабинет, хотя там, собственно, только стол с компьютером стоял, да диванчик, да большой цветастый календарь висел на стене – с довольно странной фоткой, без цветочков и пейзажиков, с геометрически-суровым изображением замысловатых шестеренок... Трезор улегся у ног хозяина, все еще настороженно глядя на Никиту, который на всякий случай перевернул перстень камнем внутрь.

Он сразу увидел, что нынешнее число обведено красным фломастером дважды. Как и день смерти Патриарха...

Глава 7

Новый друг

– Ну, ты и выскочил – как чертик из коробочки! – на лице Никиты в первый раз за день мелькнуло подобие улыбки. Данила, без куртки и шапки, уже не казался подростком. Да и ростом он почти не уступал здоровенному ветерану кавказских войн. Только был тоненьким, жилистым, словно собранным в кулак, и двигался легко, даже грациозно. Светлые волосы топорщились в разные стороны, и он безуспешно пытался их пригладить. Широко улыбнулся.

– И что нужно было... ну, этим... от вас?

– Долго объяснять, – пробормотал Никита, стягивая куртку. Из кармана выпал и покатылся по полу данный Патриархом футляр. Пес глухо зарычал и вскочил, принохиваясь. И вдруг заскулил, прижавшись к ногам Данилы. Неужели только что эта испуганная псина перегрызла человеку горло? Что ее так напугало?

Никита быстро поднял цилиндр и хотел было спрятать его обратно, как вдруг паренек нахмурился и проговорил:

– Постой, постой! Знакомые символы! Дай-ка сюда! Ты сам-то хоть знаешь, что это?

– Н-нет... Один... ну, человек... дал, велел беречь как зеницу. А что, ты можешь это прочесть?! Я думал – просто узор какой-то...

– На этом языке осталось крайне мало артефактов. Я ведь как раз и буду специалист в этой области, – Данила с горящими глазами осторожно взял в руки «артефакт». – Надо же, как интересно! Стрельба, смерть, а потом... – лицо парня посуровело, и тут Никите подумалось, что Даниле-то поболее лет будет, чем кажется! – А потом и тексты на языке! Да на каком!

Снова в его речи стал заметен легкий акцент. В контексте происходящего это несколько напрягало. Главное, откуда акцент-то, трах-тибидох?! На вид парнишка совсем «ванёк», может, даже – лимита голимая, и – на тебе! Нешто прибалт какой?

Тем временем Данила осторожно вскрыл футляр и на стол выпал туго закрученный и сильно пожелтевший свиток. «Что-то все теперь стало закручено – не лихо, так туго... «Артефаки» всякие...», – мелькнула у дремучего Никиты невеселая мысль.

В комнату робко заглянула Настя: что-то спросить про готовку. Тут же про все забыла, увидев свиток.

А спец по артефактам уже что-то разглядывал на мониторе, сверяя с надписями на футляре.

– Надо же! Свитку много тысяч лет, а он как новый! Я боялся, что он в руках рассыплется, а – пожалуйста, спокойно развернулся... Странно! Некоторые иероглифы на вскидку вроде знакомы, некоторые – впервые вижу, но такой же пергамент я точно уже где-то встречал... Или что-то очень похожее...

– А что это за язык? – поинтересовалась подошедшая Настя шепотом. Она сразу углядела, что узоры скрывают какой-то смысл. Можете и дальше верещать, что бабу надо гнать, и что корабль потонет, но *эта* «баба» способна была спасти целую эскадру!

– По-русски, наверное, правильно будет сказать «пра-египетский», Но пока так никто и не установил, что за народ жил в дельте Нила до тех, кого мы теперь называем «древние египтяне». Их письменность сохранилась лишь в виде вот таких иероглифов, дав толчок культуре египтян и их «зверообразным верованиям». Следы этих странных светлокожих людей находят в Африке и на Цейлоне. Так называемый народ «бачвези». Откуда они пришли и куда делись? Я изучал их культуру в университете, потом кое-что отыскалось и в библиотеке Ватикана...

Глаза Насти становились все шире и, наконец, у нее вырвался возглас изумления:

– Где-е? Ты... ты был в Папской библиотеке?! Всю жизнь мечтала туда попасть!

– Да какие ваши годы, Настя! Еще попадете и, надеюсь, поработаете! – Данила улыбнулся. Улыбался он на редкость заразительно, по-мальчишески открыто и задорно.

– А я слыхала, что попасть туда очень трудно, это что-то вроде «святая святых»...

– Трудно, это правда. Но можно. Особенно, если твой научный руководитель – крупнейший ученый. А я – отпрыск древней фамилии...

– А... где вы учились?

– В Сорбонне, – Данила сказал это слово совсем просто, как «за углом». Личико Насти порозовело, она вдруг застеснялась мокрых рук и растрепанной косы...

– ЫЫ... Как ты... вы... – туда? – стоявший рядом Никита с размаху сел на диванчик – ноги уже не держали. И так день тяжкий выдался – во всех смыслах, – еще только Сорбонны до кучи не хватало!

– Так я же, хоть и русский, но родился в Париже. Моя семья еще до революции туда уехала. Прадед был неглуп, сообразил, что назревают события. Он серьезно оккультизмом увлекался, астрологией и прочими штуками. Составлял прогнозы, пытался заглянуть в будущее. Катрены Нострадамуса переводил... По звездам и тому подобному выходило, что надо бежать... А семья у нас и богатая была, и знатная – Рюриковичи... – Данила опять улыбнулся, на сей раз чуть смущенно. – Да что я вас... как это... а! – грузить стал, вам, наверное, неинтересно. Давайте лучше чай пить.

– Да, да, я и пришла звать – все готово, я там похозяйничала немного, не обессудьте... – Настя окончательно засмузилась, словно самовольно накрыть к чаю на холостяцкой – шкаф, мойка, стол да три стула – кухне у Рюриковича было святотатством похлеще, чем осквернить алтарь.

– Так к тебе теперь как обращаться? Ваше сиятельство? – встрял немного оттаявший Никита, которому чувство юмора никогда не изменяло.

– Нет, – в голос рассмеялся Рюрикович, – надо «Ваша Светлость», поскольку мы князья, – те самые, Милославские! «Сиятельством» графское достоинство... как это – а, кликали!

– Ну, положим, кличут только уркаганов, да еще Золотую рыбку! – нервно хохотнул Никита, чье происхождение и вовсе было никому не ведомым. Какое уж в детдоме «происхождение»? Еще «родословная» скажи! Настя, понимая, что творится в душе у любимого, прижалась к нему и погладила по плечу, заметив, что ежели «достоинство», то – «величают».

– А вы, ребята, как попали в такую передрагу? Кто вас решил со свету сжить? За что? За этот свиток? Так он только для меня интересен, там небось какие-нибудь древние «молитвы за урожай» и все... Что вы возле церкви делали так поздно? Почему товарища своего бросили там?

Настя потупилась. Глаза Никиты зажглись ненавистью: вспомнились и гибель Патриарха, и смерть друзей... В который раз мелькнула мысль: «Жили тихо, теперь стало понятно – счастливо... Все было просто и светло... Пожениться хотели... Рухнуло все в одночасье, такой мрак вокруг...»

Как это выскажешь?

– Сразу и не объяснишь, да я и сам не все понимаю, только после смерти Патриарха – слыхал? – события всякие начались. Я у него начальником охраны был, доверенным лицом...

– А-а... Понятно. Мне говорили, – странная у Святейшего смерть была, люди его все куда-то делись, резиденцию обесточили...

– Откуда ты все знаешь?! – Никита подозрительно нахмурился.

– Мой наставник духовный рассказал. Он по званию в курсе всего...

– Это еще что за наставник?

– Митрополит Московский Серафим, глава Истинно-Православной Церкви, ее еще каткомбной называют. Ну, той, что не приняла советскую власть и служить ей отказалась. Сам понимаешь, я здесь только к ним обращаться могу, так меня воспитали... Но это не суть важно,

сейчас меня другое беспокоит. Между нападением на вас и моим появлением, как я понимаю, прошла всего пара минут. Как тот высокий мужчина успел до парка добежать, меня всполошить? Он что, знал все заранее? Что на вас нападут, что я там собаку выгуливаю? Вроде никого не было на дорожке – и вдруг бежит, руками размахивает, одежда развеивается. И куда же он делся потом? Как сквозь землю провалился! Я еще оглянулся, поспешая, – исчез долговязый!

– Да, странно... Но вовремя мужик тот появился, что и говорить! Кранты бы нам... Долговязый, говоришь? Лица не помнишь?

– Нет... Да я и не разглядывал. Так, мутное пятно какое-то... Под капюшоном. Как-то причудливо он одет был – в пальто широкое, на плащ с капюшоном похожее. Или это и был плащ... Черт, не помню! И вот что еще странно: Трезор скулить стал, к земле прижался, хвост поджал, совсем как давеча – на свиток. Н-да... непонятно... Ну, да ладно, давайте попотчуйтесь, что ли, чем Бог послал!

Чай пили с каким-то засохшими конфетками, а мужики еще и по водочке жажнули. Никита – понятно, но и Данила не отказался, хотя держался все это время молодцом и было совсем незаметно, что он перенервничал. Чуток пригубила и Настя, но тут же закашлялась. Несовременная она была барышня. Но не зря водка пользуется всенародной любовью: напряжение отпустило, нервишки у ребят малость расслабились...

– А тебе, стало быть, не впервой в такие передряги встывать? – спросил разомлевший бывший спецназовец, чья «предупреждающая» бледность сменилась на «покровительственный» румянец. Вспомнилось, как быстро и ловко студент Сорбонны расправился с нападавшими.

– Да всяко бывало... – Данила прикрыл глаза, словно вспоминал. – Я ведь к приезду на родину себя с детства готовил. В семье был культ «России, которую мы потеряли», – немножко неуклюже пошутил «его светлость». – Спортом занимался разным, единоборствами... Дрался часто, сам нарывался – приемы самообороны осваивал. Отец твердил, что нынешняя Россия – страна дикая, бандиты да воры одни... Говорил, что вчерашние рабы одурели от свободы... И что надо быть ко всему готовым, если уж решил вернуться. Ну, и параллельно приходилось учиться на совесть – хотел родине пользу принести. Вы не думайте, слово «родина» что-то значит не только для вас! Все вокруг никак не могли понять, что ж меня так тянет сюда. Ведь денег – куры не клюют, занимайся чем хочешь или вообще ничем – путешествуй да трахай все, что шевелится... Ой, простите, Настя! Я не хотел... – было забавно смотреть, как гроза французской гопоты и первый парижский хулиган стал пунцовым от смущения за вылетевшее некстати пошлое словечко.

Очевидно, что это была большая для Данилы тема: слишком часто и слишком долго там, во Франции, над ним или ехидно посмеивались, или пожимали плечами: «дурачок, – какая, мол, еще Россия...»

– Ну, ты это... про рабов не очень-то! – буркнул Никита, насупившись. – Какие же мы рабы, если свободы хотим?

– Верно! Это еще Аристотель сказал: «раб мечтает не о свободе, а о своих рабах», – воскликнула начитанная Настя. Господи, хоть кто-то тут мог, наконец, оценить ее познания! – А вот ты стал рассказывать о древнем языке... – Настя была не только начитанной, но и сообразительной, поспешила сменить тему. Данила сразу стал серьезным – учился он, видимо, увлеченно – за совесть, не за страх.

– Да, ученые всего мира находят в разных странах следы некой загадочной цивилизации. Были предположения, что это спасшиеся жители Атлантиды. Только вот саму Атлантиду никак найти не могут... В начале XX века археологи раскопали культуру народа бачвези – к ней сходятся нити многих других находок, не нашедших внятного объяснения. Согласно преданиям ныне живущих в Уганде чернокожих племен, это были белые люди – представляете, в центре Африки! Нашли развалины их крепостей, сложных и уникальных ирригационных

систем и некоторые предметы непонятного назначения... Кое-где находят и знаки, похожие на письменность, но расшифровать их не может никто. Вернее, не мог...

– То есть? – заинтересовался Никита, до этого рассеянно слушавший научный треп своих друзей.

– Я вообще-то еще и на криптолога учился. Видать, не напрасно – кое-чего мне удалось добиться. Так вот, знаки на серебряном футляре явно относятся к древней культуре «бачвези» и мне бы очень хотелось их понять! Так откуда этот свиток у вас, только честно?

– Нас чуть не убили за этот, как ты говоришь... «артефакт»! – в сердцах вырвалось у Никиты. Настя тут же яростно треснула его по спине – как уже говорилось, барышня она была ну совершенно тургеневская. – А Сашка с Витькой погибли...

И тут хранитель тайны Патриарха допустил оплошность: взмахнул растопыренной ладонью, призывая возмущенную Настю помолчать. Камень только и ждал этого – полыхнул синей молнией, не заметить было невозможно! Данила тихо присвистнул.

– А это что?!

Никита, уже привыкший, что перстня многие не замечают, смутился. Свиток, непонятный дар Алексия, на него особого впечатления не произвел – парень вообще ко всякой писанине относился с уважением, но без интереса. А вот тайну перстня хранил свято, уже понимая, что за ним скрывается что-то очень серьезное. Если не ужасное.

– Ну... это... так, подарок! Настя подарила! Мы тут обмолвились, то есть помолвились... – забухтел парень растерянно. Водочный рюмалец разом пропал – даже самый наивный человек сообразил бы, что он врет.

Данила помрачнел, встал и сухо обронил:

– Как я понимаю, идти вам некуда, так что ложитесь в дальней комнате, в конце коридора. Белье найдете в диване. Полотенца в ванной. Зубных щеток запасных нет, – круто развернулся, ушел в кабинет и плотно прикрыл дверь. Обиделся.

– Может, расскажем ему? Он же нас спас! Если и ему не доверять, то кому тогда? Никитушка, роденький, вокруг нас все гибнут, и помощи ждать неоткуда... – в голосе Насти опять зазвучали непрошенные слезы...

– Знаешь, у него на календаре сегодняшней день красным обведен. Может, врет он все – про мужика высокого и случайное свое появление? Ты же не представляешь, на что секретные службы способны, – они вокруг пальца кого хошь обведут!

– Нет не верю, что он тоже злодей, не верю! Он так... так улыбается простодушно...

– «Простодушно»... Ладно, пошли, и правда, нехорошо получилось, – пробурчал Никита смущенно, вспомнив с неожиданным теплом открытую белозубую улыбку Данилы.

Постучались, заглянули в комнатку: парень сидел за компьютером, тупо глядя на клавиатуру. На лице застыло насмерть обиженное выражение, ни дать ни взять – мальчишка, которого дружки не позвали играть в «казаки-разбойники». Пойди их пойми, Рюриковичей... Собака привстала, глянула на Никиту и, – вот чудеса! – поджав хвост, поскуливая уползла в угол.

– Слушай, Данила... ты не сердись, а? Мы тебе благодарны по гроб жизни и все такое... – попытался неуклюже извиниться Никита. Настя из-за глыбы его спины выглядывала как воробышек. – Но сам понимаешь, дела серьезные... Всего лишь три дня прошло, как Святейший Алексей погиб, а наша жизнь уже в крошечный ад превратилась, одни погони да потери! – Настя пискнула что-то и Никита понял, что опять сболтнул лишнее.

Но отступать было поздно. Если и сейчас наврать в три короба, – последнего друга потеряем. Слово пропасть разверзлась под ногами, и на той стороне весь мир ощерился-ополчился, а на этой – Никита с Настей. И еще... Данила!

Ведь в дружбе самое главное что? Доверие! Чтоб как за каменной стеной!

На лице «светлейшего» отразилась неподдельная тревога. Он мгновенно, по-мальчишески, забыл о своих обидах:

– Так его убили все-таки! Серафим обмолвился, что, скорее всего, это какое-то преступление. Было у него такое предчувствие. Я к нему как раз в тот день приходил.

– Скажи... А вот день нынешний у тебя на календаре обведен... И Тот день тоже... Почему?

– Так я всегда дни встречи с Серафимом красным обвожу! Они для меня значимые. Я и сегодня должен был увидаться, да он встречу отменил. Извинился, сказал, что дела важные, неотложные...

– А я, грешным делом, что-то такое... нехорошее, короче, подумал, – признался Никита. Ему полегчало – очень хотелось Даниле верить. Потому как если не ему, – Настя правильно сказала, – то кому?!

И ребята, – он словно через силу, она захлебываясь словами, – поведали Даниле и про загадочное убийство Алексея, и про обретение удивительного перстня, и про призрак убиенного и прочие странные явления в храме... Все рассказали, как на духу. *Такое* носить в себе долго – тяжкий труд, особенно когда тебе еще и тридцати нет и чувства хлещут через край!

Данила слушал, изредка задавал вопросы. Его острый, аналитический ум интеллектуала многое поставил на свое место, помог ребятам разобраться в непонятном, обратить особое внимание на то, что казалось несущественным... Например, его очень заинтересовал последний телефонный разговор с Алексием. Как и разговор с митрополитом Дамианом. Действие перстня, кстати, было воспринято почти как должное, словно с чудесами Данила сталкивался каждый день: «Подумаешь, светится! Лампочка тоже светится, и я не знаю, почему, и электронов ваших никогда не видел, но в обморок же не падаю!»

Наконец, насытив свое любопытство, молодой князь отправил ребят спать. Тем более, что Никита все крепче прижимал к себе Настю, – и дураку бы стало ясно, что стосковался он по ласке...

Сам «светлейший Рюрикович», пробормотав, что он – «человек ночной», остался разбирать знаки на свитке, с головой погружившись в работу.

Глава 8

Напутствие Владыки

А утром позвонил Серафим, сам предложил встретиться с Данилой, который испросил разрешения прийти с друзьями: мол, дело у них есть архиважное! Владыка согласился принять, и ребята поехали в центр, на улицу Радио. Ехали на метро – машину Никиты, напичканную жучками, решили не использовать. Да и в розыске она – к гадалке не ходи. Роскошный джип Данилы был слишком заметен – а хотелось передвигаться по городу тихо, серыми мышками...

Данила был расстроен: попытки перевода ни к чему толковому не привели. Некоторые знаки ему вообще были неизвестны, а некоторые, очевидно, имели двоякий или даже тройкий смысл. Для настоящего перевода требовались еще тексты, и лучше – билингвы. Только где же их взять? Памятников этой таинственной культуры было найдено совсем мало – с «гулькин клювик»...

Когда прибыли в храм Архангела Рафаила, Данила представил ребят Митрополиту Истинно-Православной Церкви, который принял их после литургии запросто, отпустив окружающих его людей. Он оказался прямым, жилистым, не столько грузным, сколько осанистым. Окладистая седая борода спускалась на грудь. Чувствовалась военная выправка: Серафим в прошлом был офицером ГРУ и на Ближнем Востоке потерял ногу – ходил на протезе. Вторая нога тоже была изувечена. Однако пастырским посохом Владыка пользовался только как атрибутом архиерейского сана, в жизни двигаясь удивительным образом ловко и уверенно.

Все это бедный, не выспавшийся князь рассказал по дороге. Рассказал кое-что и о катакомбной церкви – даже продвинутая Настя о ней почти ничего не знала! Кратко поведал, что пережила эта церковь тяжелейшие дни, да что там тяжелейшие – на грани исчезновения была! Но выстояла, ибо неприятие советской власти не стало гордыней – первым и тягчайшим из семи смертных грехов...

Серафим окинул троицу внимательным взглядом и негромким низким голосом предложил пройти в его личные покои, представлявшие собой небольшую комнату, очень просто, даже скудно обставленную. Там стоял слабый запах ладана и еще каких-то трав – владыка слыл искусным целителем. Вдруг он нахмурился, зорко и тревожно посмотрел на Никиту:

– Сын мой, что-то с тобой не то... Почему руки прячешь?

Вопрос был, что называется, «на засыпку». Первым импульсом Никиты было – скрыть, сделать так, чтобы Серафим ничего не заметил. Парень ведь и сам плохо понимал, зачем пришел на эту встречу – просто больше не было сил биться о бетонные стены замкнутого круга потерь и погонь. Уже ясно – путь назад закрыт наглухо. Остается только вперед. Но – как, куда?!

И он протянул Владыке руку, на которой мрачным синим огнем светился камень...

Странная буря чувств отразилась на лице Владыки, словно он что-то преодолевал в себе. На лбу обильно выступили капельки пота. Из горла вырвался возглас боли... Словно какая-то мощная сила пыталась согнуть, сломить его волю... По вибрации перстня Никита понял, что сила эта вступила в борьбу с другой, не менее мощной! Еще удивительнее было то, что Серафим выстоял. Более того, утаенный сапфир так засиял, что по стенам комнаты брызнули лазоревые блики. Все отшатнулись, но горящий взор Владыки не уступал сиянию. Лицо его прояснилось. Он будто приказывал: «Говори!»

И Никите пришлось поведать все, что довелось ему видеть и узнать.

Серафим не перебивал, напряженно слушал и лишь иногда или кивал головой в такт своим мыслям, или пытливо поглядывал на перстень, который начинал светиться ярче. При словах Никиты о неведомой старушке в храме чуть улыбнулся, словно речь шла о его доброй

знакомой... Услышав о загадочном явлении покойного Алексия, в волнении трижды перекрестился...

Когда рассказ был окончен, повисло молчание, но оно не было гнетущим: исповедь облегчила душу. И не только Никите – вздох облегчения вырвался и у Насти, и у сдержанного Данилы. Перстень светился ровным синим пламенем, словно терпеливо ожидал ответа на самый важный вопрос: «как быть?» Наконец, Владыка и сам перевел дух и неожиданно-ласково улыбнулся ребятам:

– Что ж, дети мои... Кое-что мне об этой святыне известно... Но прежде я отпущу вам, – тут он с грустью взглянул на потупившихся парней, – грех смертоубийства, пусть и неумышленного... Вы защищались, понятно... Ибо развязана война, страшная – не на жизнь, а на смерть! Сам был воином, знаю, каково это... Война никого не жалеет, ни мужчин, ни женщин... Теперь у нас одна общая задача: выстоять!

Сердце Насти сжалось от этих слов, но она постаралась отогнать печаль. Скорбь и страх плохие спутники решимости.

Когда обряды были позади, Серафим продолжил.

– Этот перстень был создан до всех времен, и не человек его создал. Но он стал первым знаком могущества. Впоследствии возникли еще четыре Предмета: Печать правды, Панагия, на которой запечатлено отражение лика Богородицы, Наперсный крест с каплей слезы Господа нашего Иисуса и Венец Власти... Знаю одно: если эти предметы окажутся в одних руках, миру явятся необыкновенные чудеса и случатся невиданные события!

Слушали его заворожено, затаив дыхание.

– Скажи, отче, – обратился к наставнику Данила, – а разве это человек властвует над Знаками? Или все-таки они – над человеком?

– Знаки сами по себе ничего не могут, они наполняются силой только в человеческих руках и сообщают эту силу обладателю. Я и сам толком не понимаю, как они действуют. Древние знания о них долгое время были сокрыты, а сами Предметы считались утерянными. Утерянными! – возвысил голос Владыка, – а не уничтоженными, ибо уничтожить их невозможно! И вот, сподобился я: наяву вижу перстень... По преданию, он принадлежал самому царю Соломону, наделив еврейского повелителя великой властью над людьми, но и царь был лишь его временным хранителем... К слову сказать, мудростью перстень не наделяет – она есть плод природного ума и опыта. А вот волю другого Знак может подавить – да вы и сами только что это видели! Наверное, не всякого «другого», – старец позволил себе улыбку. – Говорят, этот перстень прибыл на Русь вместе с Софьей Палеолог...

У Насти вырвался слабый возглас. Никита с восхищением взглянул на нее: его охватила гордость, что рядом с ним, дубиной неотесанной, находится такая образованная, такая замечательная девушка! И ведь любит его, а не какого-нибудь задрота-ботаника, «социально близкого»!

– Владыка, скажите, а как перстень попал к византийцам? – Настя впервые осмелилась подать голос. После густого баса Серафима и глуховатого баритона Никиты ее голосок прозвучал нежно, как эолова арфа. – Я много книг перерыла, нашла скудные упоминания об этом, но там все начинается с приданого Софьи. А раньше?

– Не знаю, дочь моя, говорят, что одно время перстень находился у Доната Великого, епископа Нумидийского... Огромную власть он даровал этому светильнику церкви, но высоко вознес себя сей святой муж, видя, как люди, один за другим, склоняются перед чудесной силой. Трудно, очень трудно противостоять перстню, – старец содрогнулся, вспоминая свою борьбу с чем-то, так и оставшимся для ребят неведомым...

Настя второй раз осмелилась перебить Владыку, но он лишь с отеческой улыбкой смотрел на девушку, торопившуюся поделиться всем тем, что она нашла в книгах:

– Да, да, я о Донате читала, его еще очень уважал патриарх Никон! «Императору нет дела до Церкви...

– ...но Церкви есть дело до всего!» – продолжил удивленный Серафим и добавил, помедлив:

– Возможно, я потому и ушел с государственной службы на служение Господу... А Никон тоже пал жертвой перстня, который неслыханную гордыню в людях пробуждает, словно испытывает. Если цели человека и камня этого синего перестают совпадать, сила уходит и тогда падение с высот неизбежно и трагично... И ты, сын мой, страшись этого искушения! – последние строгие слова адресовались Никите, потупившему взор.

– Так что там за документ усопший Алексей передал вам?

Никита достал серебряный футляр, осторожно вынул свиток и передал его Владыке, руки которого задрожали, принимая священную реликвию. Свиток из неизвестного материала мягко развернулся в не по-стариковски сильных ладонях. Похож он был на пергамент, но... ведь любой пергамент давно бы высох и рассыпался в прах. Испещрен непонятными символами... Данила подал голос:

– Я кое-что попытался разобрать, ведь – странно как! – именно *этот* язык в университете меня заинтересовал, но моих знаний оказалось недостаточно...

Рафаил помолчал, прищурившись и глядя куда-то сквозь стену, словно вспоминая что-то важное.

– В старинных книгах, что в 20-е годы удалось спасти от разграбления и поругания, мне как-то повстречался обрывок одного текста... Там что-то говорилось о Неназываемом, и его небывалой силе, но я тогда подумал, что это иносказание... В священных текстах много иносказаний, не всегда люди готовы воспринять заключенную в них мудрость! Теперь начинаю догадываться, что речь шла о перстне этом чудодейственном... Если обождете, я постараюсь найти книгу. Книги хранят знания... Это сейчас модно говорить, что знания несовместимы с верой. Неправда, вера из знания и произрастает, не из невежества!

Старец медленно и степенно удалился, твердо ступая и лишь немного прихрамывая. «Как это ему удастся? – подумал Никита, глядя вослед его высокой, крепкой, осанистой фигуре. – Ведь одна нога на протезе, а другая – не лучше протеза...»

Свиток остался лежать на столе, отбрасывая на белую льняную скатерть изжелта-масляный отсвет... Он словно пульсировал, символы шевелились и дрожали, то наливаясь густой чернотой, то бледнея, почти исчезая...

Но вот Владыка вернулся, прижимая к груди огромный фолиант. Никита и Настя сидели, внимательно разглядывая померкший сапфир. Подтверждалась давняя догадка Никиты: перстень действовал только при драматическом или судьбоносном повороте событий, – странный предмет такие моменты как-то чувствовал... А в спокойной обстановке был... да просто прабабкина побрякушка, семейная драгоценность не из самых дорогих. Таких полно во многих шкапулках, запрятанных в дальний угол комода с бельишком...

Уставший за бессонную ночь Данила задремал на стуле... Но он тут же очнулся – присутствие Серафима словно пробуждало все силы человеческие.

– Вот! – старец перевел дух, осторожно положив на стол книгу в кожаном переплете, испещренном бурыми и белесыми пятнами, оставленными временем, пожарами, сыростью и не всегда бережным хранением. Было видно, что фолиант пережил многое на своем веку.

– Здесь приведен только какой-то отрывок... Вероятно, это перевод еще более древнего текста... не этого ли, что на свитке? – пальцы едва касались ветхих страниц со старославянской вязью, малопонятной не только Никите, но и Насте и даже Даниле. Огласовки и вышедшие из употребления буквы делали его до странности похожим на затейливые иероглифы свитка. Впрочем, все непонятное схоже...

Но вот Владыка нашел то, что искал, и нараспев стал читать слова, смысл которых не сразу доходил до ребят. Собственно, и вообще не доходил. Когда он окончил чтение, в ушах Никиты, хорошо знавшего только трехэтажные армейские «конструкции» да тактико-технические данные различного оружия, стоял звон. Но и остальные внимавшие как-то смущенно моргали – тоже не поняли ни слова.

– Что ж, постараюсь перевести вам эти слова, в них ключ к пониманию происходящего. Жаль, что нынешняя молодежь так плохо знает язык предков. Ты вот, Данила, всякую экзотическую абракадабру изучаешь, а своих корней не знаешь толком. Ведь когда-то на Руси так не только писали, но и говорили! – сказал Серафим, пряча лукавую улыбку в густых седых усах. Ему, пастырю душ, не впервой было встречаться с... как бы это аккуратнее... *с определенным уровнем знаний*. Данила смущенно пробормотал, что всего знать невозможно и не положено. Насте хотелось забиться под плинтус, и только Никита, уже привыкший к укорам в невежестве, просто стоял и смотрел смиренно, ждал, когда Владыка вернется к сути. А что солдату говорить, ежели «не положено»?

– С незапамятных времен было пять... хм... тут сказано – Символов Власти над видимым миром... И знать о них до срока человекам негоже... И если кто соберет их в одних руках – тот станет или Защитником мира, или Врагом его, о чем повествует Апокалипсис... Один из предметов, самый древний, проявляет власть над человеком, осуществляя волю древних существ, именуемых некогда богами, а ныне – Злыми Духами и Повелителями Тьмы... Странно – дальше сказано, что... хм... нет ни Света, ни Тьмы, а есть только Любовь... И еще... Тот, кто станет повелевать Символами, претерпит удивительное превращение, обретет божественный облик и невиданную силу... И этого ни в коем случае нельзя допустить!

Вновь молчание повисло в комнате... Владыка тяжело опустился в кресло. Он прикрыл глаза ладонью, казалось, – силы покинули его. Но впечатление это было обманчиво! Когда Серафим поднял голову, его взор опять был полон нестигаемой воли и решимости. Маленькое войско обрело настоящего полководца!

– Так, дети мои! Можно, конечно, и дальше обсуждать и Знаки, и тексты, и о чудесах спорить... Но сейчас не это главное! Жизнь ваша в опасности. Силы задействованы немалые и страшные. Но тревожат меня не столько ФСБ, или ГРУ, или еще какие службы. Кто подослал убийца несчастного Алексия? В таких делах исполнители – мелкие сошки. И кто тот – еще более странный! – «защитник слабых», что призвал тебя, Даниил, на помощь Никите и Анастасии? Ох, не к добру все это... Однако вам надо скрыться, стать незаметными. Раз уж выпала доля оказаться в центре событий, надо идти дальше! Есть у меня одна мысль... А что, если вы скроетесь на Алтае? Там, в горах, у меня есть настоящие друзья. Они помогут укрыться от столь пристального внимания и кое-что разъяснят вам. Ведь даже я, грешный, не знаю всех подробностей и, главное, назначения священных предметов. Могу только догадываться... А теперь догадки только отнимут драгоценное время... Эх, был бы помоложе да поздоровей – сам бы с вами на Алтай рванул!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.